Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Государственная инспекция труда Свердловской области
Уральское отделение Вольного экономического общества России
Управление федеральной антимонопольной
службы по Свердловской области

Уральский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы
III Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 15 мая 2019 г.)

Екатеринбург
2019

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)
ББК 67.9+67.93я431

П78

Ответственный за выпуск:

доктор юридических наук, доцент
Г. З. Мансуров

Научный редактор:

кандидат юридических наук, доцент
М. В. Чудиновских

П78 **Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений** [Текст] : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15 мая 2019 г.) / [отв. за вып.: Г. З. Мансуров] ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. — 130 с.

В сборник включены статьи участников конференции, проведенной Уральским государственным экономическим университетом. В работе конференции приняли участие сотрудники образовательных организаций, магистранты, работники правоприменительных и правоохранительных органов Российской Федерации, а также ученые зарубежных стран. В сборнике рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с поиском баланса частноправовых и публично-правовых способов регулирования цифровизации экономических отношений.

Для профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и бакалавров, а также практических работников.

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)
ББК 67.9+67.93я431

© Авторы, указанные в содержании, 2019
© Уральский государственный
экономический университет, 2019

Секция 1
Цифровые технологии: новые возможности для бизнеса

С. Н. Бурлака
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Правовое регулирование управления данными в условиях цифровизации экономики

Статья посвящена внедрению технологий больших данных в современную экономику в условиях ее цифровизации. Обозначена необходимость развития правового регулирования использования больших данных.

Ключевые слова: большие данные; большие пользовательские данные; персональные данные; цифровая экономика.

Современные информационные и коммуникационные технологии существенно меняют все общественные отношения, в связи с чем отмечается, что в настоящее время происходит становление нового информационного общества, которое носит название «цифровая экономика» [3, с. 56]. По мере увеличения степени встраиваемости средств информационных технологий в различные направления современного общества возрастают и требования к их адаптируемости для решения новых задач, которые предполагают огромные объемы данных. Есть такие объемы информации, которые невозможно обрабатывать традиционными способами, в том числе структурированные данные, медиа-данные и случайные объекты. И если с анализом первых существующие сегодня технологии более-менее справляются, то анализ вторых и третьих практически остается непосильным трудом. Исследования показывают, что объемы медиа-данных, таких как результаты видеонаблюдения, аэрофотосъемки, цифровая медицинская информация, и случайных объектов, хранящихся в многочисленных архивах и облаках, увеличивается год от года [2, с. 1171].

Огромный объем данных стал глобальным процессом и получил определение «большие данные» (Big data). Исследованию больших данных посвящены труды как зарубежных, так и российских ученых: J. Manyika, M. Chui, В. В. Топорков, В. И. Будзко. Существенный вклад в изучение этой технологии вносят крупные мировые компании, такие как: McKinsey & Company, CNews Analytics, SAP, Oracle, IBM, Microsoft, Teradata и многие другие.

Положения о необходимости развития и применения технологий Big data содержатся и в стратегических, и в отраслевых документах, т. к. количество формируемых данных постоянно растет: по экспертным оценкам, к 2025 г. общемировой объем данных может достигнуть 163–175 зеттабайт (в 2018 г. этот показатель составил 33 ЗБ), а их анализ становится инструментом для принятия эффективных решений в области государственного управления, повышения качества оказываемых государственных услуг, корректировки производственных и бизнес-процессов.

Так, обработка больших данных отнесена к основным сквозным технологиям работы с данными в транспортном комплексе, в соответствии с комплексным планом модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г.; порядок отражения расходов на внедрение технологии Big data в сферу осуществления учетно-регистрационных действий предусмотрен Порядком формирования и применения кодов бюджетной классификации РФ. Кроме того, в методических рекомендациях по переходу государственных компаний на преимущественное использование отечественного программного обеспечения определены целевые показатели по разработке на основе такого ПО систем обработки больших данных.

Однако законодательного определения самого понятия «большие данные» пока нет. Исходя из нормативного понимания обработки больших объемов данных, можно говорить о том, что большие данные представляют собой структурированную и неструктурированную информацию из большого количества различных, в том числе разрозненных или слабосвязанных, источников в объемах, которые невозможно обработать вручную за разумное время[1]. Под структурированными данными понимается упорядоченная информация, содержащаяся в базах данных, информационных системах и т. д. А неструктурированными данными являются информация, содержащаяся в аудио- и видеозаписях, включенный в графические изображения текст, т. е. данные в форматах, затрудняющих поиск конкретных сведений в них.

Кроме того, при анализе необходимого для перехода к цифровой экономике нормативного регулирования употребляются еще и такие понятия, как большие пользовательские данные (подразумевается совокупность информации, формируемой при использо-

[1] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (проект).

вании различных онлайн-сервисов, приложений, социальных сетей) и Интернет вещей (данные приборов автоматического измерения показателей, устройств, фиксирующих сведения о перемещениях объекта, и др.). Но общепризнанные определения этих понятий также отсутствуют. Стоит отметить, что попытка закрепить в законе определение больших пользовательских данных — как информации о физических лицах из различных источников, не содержащей персональных данных и не позволяющей без использования дополнительных данных или дополнительной обработки определить конкретное лицо, — и правила их обработки предпринималась минувшей осенью, но успехом не увенчалась. И, тем не менее, внесение в законодательство указанных понятий необходимо, в том числе, для установления, как они соотносятся с персональными данными.

Если рассматривать регулирование использования данных на примере американских корпораций, то увидим следующее: программа считывает, какие страницы пользователи смотрели, и этот объем данных передается в общую аналитику, формируется вывод о статистике интересов людей на определенной территории. В лицензионных условиях использования программ записано, что необходимо уведомить субъекта о том, что данные собираются, получить его согласие, в том числе на хранение данных в США, предоставить документ, с которым человек должен ознакомиться, и понять, как его данные собираются, где используются и т. д.

Правовое регулирование больших данных в европейских странах рассматривается через призму законодательства о персональных данных, потому что носителем всей информации является человек. Кроме того, те разработки, которые есть у некоторых крупных компаний, позволяют даже обезличенные базы сопоставить и вывести цифровой профиль конкретного физического лица. Поэтому при подготовке законопроектов нельзя допускать явного перекоса в сторону интересов бизнеса. Должны быть предусмотрены формы участия конкретного субъекта в принятии решений о предоставлении тех или иных сведений, чтобы он мог управлять использованием этих данных [1, с. 176].

Оба обозначенных варианта: закрепление правил взаимодействия пользователей и обрабатывающих данные компаний в пользовательских соглашениях и жесткое законодательное регулирование путем приравнивания к персональным данным — имеют свои преимущества и недостатки, учет которых при выборе подхода

к регулированию больших данных в России может обеспечить конкурентоспособность страны на мировом рынке.

Также следует иметь ввиду то, что компании собирают и используют пользовательские данные в основном для того, чтобы создавать более удобные для клиентов сервисы. Причем граждане не всегда согласны с тем, чтобы информация о них обрабатывалась именно с такой целью, поэтому стоит подумать о перенесении акцента с защиты данных конкретного лица как таковой на предоставление ему права решать, могут ли они передаваться далее и в каком объеме, и разработку механизмов защиты этого права [5, с. 13].

Именно такой принцип — использование данных лица с его согласия — будет положен в основу создания инфраструктуры «Цифровой профиль» — платформы, обеспечивающей обмен информацией между государством, гражданами и организациями. Разрабатываемый проект концепции цифрового профиля предполагает возможность предоставления государственным и коммерческим организациям доступа к содержащимся в государственных информационных системах сведениям о гражданине при получении его согласия. Планируется, что, помимо совокупности данных из государственных информационных систем, в цифровом профиле гражданина будут содержаться сведения о так называемых цифровых согласиях: перечни персональных данных, доступ к которым он разрешил при получении каких-либо услуг [4, с. 7].

При этом содержимое самих информационных систем будет включено в Национальную систему управления данными (НСУД), проект концепции которой в настоящее время также разрабатывается. Предполагается, что НСУД будет интегрирована с инфраструктурой электронного правительства, государственными справочниками и классификаторами, что позволит обеспечить актуальность и избежать дублирования информации, содержащейся в разных базах. Вместе с тем необходимо отметить, что механизм контроля качества содержащихся в НСУД данных пока не разработан.

Таким образом, использование результатов анализа больших данных как метода принятия решений имеет важное значение и для государства, и для предпринимателей. Но отсутствие законодательного закрепления соответствующей терминологии и правил обработки этих данных значительно затрудняет развитие этого процесса.

Библиографический список

1. *Белая О. В., Кононенко Д. Б., Семченкова М. Н.* Правовое регулирование деятельности стартапов в области Big data (большие данные) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 1(42). С. 174–180.

2. *Волкова Ю. С.* Большие данные в современном мире // Концепт. 2016. Т. 11. С. 1171–1175.

3. *Сагынбекова А. С.* Цифровая экономика: понятие, перспективы, тенденции развития // Теория. Практика. Инновации. 2018. № 10(34). С. 56–69.

4. *Толстова Ю. Н.* Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 6–10.

5. *Юдина Т. Н.* Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3. С. 12–16.

Ю. Н. Мальгинова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Понятие цифровых прав и их оборотоспособность

Приводится понятие цифровых прав и раскрывается их оборотоспособность в контексте Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Ключевые слова: цифровые права; оборотоспособность; электронные и технические средства.

В современный гражданский оборот плотно вошли объекты цифровых отношений, например электронный документ, информация, обладатель информации, электронная цифровая подпись, электронная услуга и другие, без которых невозможно совершить ряд определенных действий или операций.

В повседневной жизни и профессиональной деятельности граждане и должностные лица совершают юридически значимые действия, часть из которых регулируется отдельными нормативными правовыми актами. При этом общее понятие цифрового права в российском законодательстве длительное время отсутствовало, что вызывало дискуссии по данному вопросу, в частности о необходимости его включения в Гражданский кодекс РФ. Так, Е. А. Суханов отмечал, что «…ГК РФ в своих базовых определениях, в том числе в сфере объектов гражданских прав, в полной мере обеспечивает основы регулирования для цифровой среды, и его лучше не трогать» [4, с. 21]. Противоположной позиции придерживается

П. В. Крашенинников, который предлагает ввести в ст. 128 Гражданского кодекса РФ новый объект гражданского права — «понятие «цифровые права», под которыми признаются «цифровой код или обозначение как совокупность электронных данных» [2, с. 15]. По мнению автора, следует отнести эти объекты к категории имущественных прав. В. К. Андреев, изучая указанную проблему, отмечает: «Цифровой код или обозначение, совокупность электронных данных следует трактовать как цифровое право, принадлежащее лицу, зарегистрированному в децентрализованной информационной системе. Распоряжаясь своим цифровым правом, его обладатель с помощью информационных технологий и технических средств осуществляет соответствующее гражданское право» [1, с. 38]. А. Г. Аксаков высказывался об ином термине — «цифровой финансовый актив» как имущество в электронной форме» [3, с. 57], что не относится к категории имущественных прав. Дискуссия позволяет констатировать, что цифровое право существует «без указания действительного объекта, на который направлены воля и интерес его обладателя» [1, с. 40], поскольку предусматривает свою реализацию с помощью электронных или иных аналогичных технических средств.

Законодателем посредством принятия Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — федеральный закон), который вступит в силу с 1 октября 2019 г., введено определение цифровых прав и установлена их оборотоспособность. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом, возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Дополняя ст. 141.1 ГК РФ, федеральным законом установлено — если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое, в соответствии с правилами информационной системы, имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, предусмотренными законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. Переход циф-

рового права на основании сделки не будет требовать согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Важным является тот факт, что федеральный закон вносит изменения в п. 1 ст. 160 Гражданского кодекса РФ и предусматривает, что сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами. Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, с помощью которого можно достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

Гражданским кодексом РФ, иными правовыми актами и соглашением сторон могут устанавливаться дополнительные требования, которым должна соответствовать форма сделки (совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и тому подобное), и предусматриваться последствия этих требований. Если такие последствия не предусмотрены, применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки согласно п. 1 ст. 162 Гражданского кодекса РФ.

Вступление в силу Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» позволит упорядочить отношения, складывающиеся в отношении объектов цифровизации, а также значительно расширить сферу их применения как среди физических, так и юридических лиц.

Библиографический список

1. *Андреев В. К.* О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 38–41.

2. *Кодификация* российского частного права / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015.

3. *Правовое* регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019.

4. *Суханов Е. А.* Еще раз о различиях вещных и обязательственных прав // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б. М. Гонгало / М. В. Бандо, Р. Б. Брюхов, Н. Г. Валеева и др. М.; Екатеринбург: Статут, 2016. С. 25–44.

С. В. Слукин
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Цифровые технологии в предпринимательской сфере как способ обхода действующего законодательства России

Рассмотрены отдельные аспекты использования цифровых технологий в предпринимательской сфере. Автор остановился на вопросах законности использования отдельных видов данных технологий. Особое внимание было обращено на факты противоречия использования отдельных видов технологий, активно применяющихся в России, действующему законодательству.

Ключевые слова: цифровые технологии; предпринимательское законодательство; ответственность; правовое регулирование.

Современные информационные технологии все больше интегрируются в жизнь современного общества. Сегодня без них невозможно представить окружающий нас мир. Не является исключением в данном плане и сфера предпринимательской деятельности. В связи с этим следует обратить внимание на то обстоятельство, что секрет успеха всех крупных и успешно развивающихся компаний связан с активным использованием современных достижений науки и техники. Ограниченность природных ресурсов заставляет предпринимателя искать современные технологии, позволяющие оптимизировать свою деятельность с целью увеличения прибыли.

Процесс поиска технологий, способствующих увеличению экономической отдачи, настолько завладел умами современных российских предпринимателей, что они совершенно забыли о чувстве самосохранения, все глубже погружаясь в процессы, дающие возможность в нарушение требований законодательства развивать свою деятельность. По сути, использование цифровых технологий дает таким предпринимателям некоторое время оставаться за сферой применения действующего законодательства в силу инертности его развития. Еще вчера идея размещать рекламу в лифтах многоквартирных домов или рассылать ее по почте вместе с квитанциями на оплату услуг ЖКХ могла вызывать восхищение и давать определенную экономическую выгоду. Сегодня даже школьнику понятно, что такие действия являются не только незаконными, но и содержат

элементы мошенничества. На момент написания статьи верхом совершенства являются процессы цифровизации производственной деятельности. Однако значительная часть того, что делается сейчас, приносит прибыль лишь в силу того, что законодательство еще не успело учесть современные достижения, использующиеся в предпринимательской сфере, путем введения запретов и ограничений, призванных защитить отдельных участников рынка и российских граждан. При этом, конечно, как показывает практика изменения законодательства последнего времени, права российских граждан будут учитываться при изменении права в последнюю очередь.

Следует также учесть, что российское право не знает такого понятия, как цифровая технология. Но это не мешает нам проводить значительное количество форумов, конференций, дискуссий, посвященных этой теме. Российскому праву известно лишь понятие «информационная технология», приведенное в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В работе под цифровой технологией я буду понимать информационную технологию достаточного уровня, позволяющего организовать ее основные процессы и методы при помощи современной электронно-вычислительной техники. В соответствии с данным законом, такой технологией являются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

В статье я постараюсь уйти от рассмотрения острых вопросов нарушения прав с использованием информационных технологий в образовательной и медицинской сфере. Не буду рассматривать вопросы, связанные с нарушением прав путем применения информационных технологий в правоохранительной деятельности. Особое внимание будет обращено на «противозаконное» использование информационных технологий в финансово-кредитной сфере в отношении обычных граждан России, позволяющее финансово-кредитным учреждениям уходить от ответственности за нарушения в данной сфере.

В данной статье при этом видится оптимальным рассмотрение не всех аспектов нарушения прав граждан, а лишь нарушение процессов сбора, обработки и использования принадлежащих им персональных данных. Этот процесс в России перешел в такое неконтролируемое русло, что представители банков даже делают открытые заявления о начале формирования собственных баз

данных. В частности, представители Сбербанка предлагают своим вкладчикам предоставить о себе цифровые данные, ссылаясь на то, что в ближайшее время это будет обязательной процедурой.

В то же время Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31 декабря 2017 г.) «О персональных данных» к персональным данным относит любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Следовательно, под охрану Федерального закона № 152-ФЗ подпадают данные, позволяющие идентифицировать человека по любому признаку. В свою очередь банки и другие финансово-кредитные организации вправе требовать при открытии вкладов и счетов лишь данные, предусмотренные нормативно-правовыми актами. В данном случае таким нормативным актом следует считать Инструкцию Банка России от 30 мая 2014 г. № 153–И (ред. от 24 декабря 2018 г.) «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов». В соответствии с п. 5.1 указанной инструкции, для открытия счета по банковскому вкладу гражданин должен предъявить документ, удостоверяющий личность. Иными словами, это паспорт.

Исходя из логики закона, никаких телефонов, видео- и фотоизображений, образцов голоса гражданин предъявлять не обязан. Кроме того, обработка всех перечисленных выше данных, по мнению автора, будет не просто незаконной, но и содержать элементы состава преступления. Именно поэтому в подавляющем большинстве случаев данный вид сбора данных банки поручают сотрудникам низового звена, осуществляющим прием посетителей. При этом большая часть банков не просто предлагает клиентам предоставлять не предусмотренную законом информацию, но и вынуждает их это делать. Думается, что значительная часть таких финансово-кредитных организаций не только негласно обрабатывает данные о своих клиентах, но и передает их для централизованной обработки.

Учитывая то обстоятельство, что доказать такие деяния крайне сложно, автор не называет конкретные банки, с которыми ему пришлось столкнуться в связи с принуждением предоставлять не предусмотренную законом информацию о себе, однако их число угрожающе растет.

При этом гражданское законодательство здесь явно не успевает за ходом мысли представителей цифровых схем. Относительно недавно в Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первую) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ была включена ст. 152.1, защищающая

изображение гражданина. Однако другим видам персональных данных гражданское законодательство должного внимания не уделяет. Именно это приводит в нашей стране к массовым нарушениям прав граждан при обработке их персональных данных. Тот «ужас и беспредел», который творится в связи с утечкой и обработкой телефонных номеров, наверное, ощутил на себе каждый гражданин России. При этом по телефону как раз чаще всего навязываются банковские, а не какие-нибудь другие продукты.

Естественно банки и финансово-кредитные организации являются не единственным источником утечки персональных данных. При отсутствии должной ответственности к их утрате могут быть причастны и представители государственных, к примеру налоговых, органов, которым цифровая информация предоставляется уже в силу закона. Но все же следует учесть, что процесс сбора персональных данных, например налоговым органом, не противоречит закону и обусловлен обеспечением общественного интереса. Поэтому утечка и неправомерное использование цифровых данных представителями налоговых органов маловероятны и связаны в первую очередь с недобросовестным поведением отдельных работников, а не с политикой самого государственного органа.

Подводя итог сказанному, можно выделить основные нарушения процесса сбора и обработки персональных данных с использованием цифровых технологий:

– адресное распространение рекламы часто незаконного продукта лицами, не позволяющими их установить в пользу других (конкретных выгодоприобретателей);

– дискриминационный приоритет доступа к информационной услуге либо к предпринимателю;

– навязывание банковских и иных услуг путем учета конклюдентных действий клиентов, влекущих для них правовые последствия;

– незаконное предоставление данных третьим лицам без согласия правообладателя.

Данный перечень можно легко продолжить, однако последствия иных нарушений еще так явно не проявили своих негативных признаков в повседневной жизни граждан. Но полагаем, что то, что сейчас происходит на рынке цифровых технологий, должно заставить законодателя принять ряд конкретных мер по нейтрализации негативных последствий.

О. С. Троценко
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Изменения российского законодательства о государственно-частном партнерстве в условиях цифровизации экономики

Статья посвящена изменениям законодательства о государственно-частном партнерстве в условиях цифровой экономики. Проведена оценка зарубежного опыта государственно-частного партнерства в сфере робототехники и искусственного интеллекта. Предложены рекомендации по совершенствованию российского закона о государственно-частном партнерстве.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; цифровизация; цифровая экономика; цифровые технологии; публичный партнер; частный партнер.

Одной из тенденций развития современного общества является интенсивная цифровизация различных его сфер. Цифровая трансформация потребовала качественных изменений современного права, отдельных его отраслей и правовых институтов. Указанные процессы обусловили необходимость изменения и такого правового института, как государственно-частное партнерство (ГЧП). Он известен во всем мире в качестве одного из наиболее эффективных инструментов, способствующих модернизации национальной экономики. В условиях дефицита бюджетных средств, а также длящегося финансово-экономического кризиса государство вынуждено обращаться к частному сектору в целях поиска дополнительных источников финансирования. Хозяйствующим субъектам, в свою очередь, открывается доступ в те сферы производства товаров, выполнения работ и оказания услуг, которые традиционно считались монополией государства [1, с. 122].

Переход к цифровой экономике обусловил возложение на ГЧП новых задач по развитию интеллектуальной, научно-технической и внедренческой деятельности. Как отмечается в науке, в современных условиях реализация инновационных проектов уже не может быть полностью связана с бюджетным финансированием, возможности которого в последнее время заметно сократились. Теперь это во многом зависит от привлечения к таким проектам представителей бизнеса и от его спроса на инновационные разработки [2, с. 221].

Отметим, что в развитых странах создание инноваций осуществляется на началах ГЧП. Например, создание и разработка робототехники и искусственного интеллекта — одно из ключевых на-

правлений развития цифровой экономики — активно происходит за рубежом именно на основе ГЧП [3, с. 6–11]. В Европейском союзе, в частности, исследования в области робототехники получили наибольшее финансирование в рамках инновационной программы Horizon 2020 на основе проектов ГЧП — около 190 млн евро. В рамках другой европейской программы по развитию робототехники SPARC государства ЕС инвестируют 700 млн евро, а частный сектор — 2,1 млрд евро [4; 5] в создание промышленной робототехники. Кроме того, разработка другого прорывного направления цифровой индустрии — суперкомпьютеров (high performance computing) в странах ЕС также осуществляется на началах ГЧП [6, с. 210–218].

В отношении России можно отметить, что анализ ключевых отраслей развития отечественной экономики показывает безнадежное устаревание используемых технологий, технологическое отставание от развитых стран, существенную зависимость от импортных производителей, а также отсутствие требуемого объема финансирования на проведение разработок инновационных продуктов и технологий [7, с. 9–12]. Именно поэтому государство вынуждено обращаться к хозяйствующим субъектам в целях развития инновационной деятельности. Так, в Концепции формирования Государственной комплексной программы развития машиностроения отмечается, что развитие одного из его инновационных направлений — робототроения — может осуществляться на началах ГЧП [4, с. 45–50]. Более того, базовый акт в сфере цифровой экономики — Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает развитие ГЧП в области цифровых технологий [8, с. 16–21].

Вместе с тем Российская Федерация занимает 38-е место по уровню экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, с большим отставанием от стран-лидеров, таких как Финляндия, Швейцария, Швеция, Сингапур, Нидерланды, США, Норвегия и Германия. Это объясняется, по мнению экспертов, пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для бизнеса и инноваций.

Таким образом, одним из направлений совершенствования нормативно-правового регулирования стало совершенствование законодательства о ГЧП.

На сегодняшний день действующее законодательство о ГЧП представлено Федеральным законом «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации»[1] (далее — Закон о ГЧП), а также рядом региональных нормативных правовых актов о ГЧП. Кроме того, действуют федеральные законы об отдельных формах ГЧП, в частности, Федеральный закон «О концессионных соглашениях»[2] (далее — Закон о концессионных соглашениях), Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции»[3], Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»[4].

29 июня 2018 г. принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5], существенно изменивший законодательство о ГЧП. Так, Закон о ГЧП, а также Закон о концессионных соглашениях были дополнены нормами, допускающими создание в рамках ГЧП объектов информационных технологий — программ для ЭВМ, баз данных, информационных систем и (или) сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или других информационно-телекоммуникационных сетях, в состав которых входят такие программы для ЭВМ и (или) базы данных, либо совокупность указанных объектов, либо объекты информационных технологий и имущество, технологически связанное с одним или несколькими такими объектами и предназначенное для обеспечения их функционирования или осуществления иной деятельности, предусмотренной соглашением.

Нельзя отрицать, что внесение подобных изменений в Закон о ГЧП является позитивным и прогрессивным, поскольку допустило создание объектов информационных технологий. Для сравнения отметим, что законодательство о ГЧП других стран включает нормы, дающие публичным и частным партнерам возможность создавать объекты интеллектуальной деятельности. Например, в соответствии со ст. 2 Закона Республики Казахстан от 31 октября 2015 г.

---

[1] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[2] Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

[3] Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции».

[4] Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах Российской Федерации».

[5] Федеральный закон от 29 июня 2018 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

№ 379–V «О государственно-частном партнерстве»[1], на основе ГЧП можно создавать технологии. Как указывалось выше, законодательством ЕС в рамках договорных форм ГЧП[2] также предусматривается возможность создания инноваций, таких как робототехника и суперкомпьютеры. Кроме того, отмечается, что государствами ООН должно уделяться значительное внимание так называемому инновационному ГЧП (innovative PPP)[3].

В то же время анализ действующего законодательства о ГЧП в сфере создания результатов интеллектуальной деятельности выявил ряд его недостатков. Во-первых, вызывает недоумение тот факт, что на основе внесенных изменений в рамках ГЧП позволяется создавать лишь объекты информационных технологий, а не результаты интеллектуальной или инновационной деятельности в целом. Полагаем, что подобные изменения ограничили возможность осуществления ГЧП в сфере инновационной деятельности. Дело в том, что, согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4], информационные технологии — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Как представляется, избранный законодателем термин «объекты информационных технологий» существенно ограничивает потенциальные возможности ГЧП. При этом возникает вопрос о возможности отнесения к объектам информационных технологий целого ряда сквозных цифровых технологий: новых производственных технологий, компонентов робототехники. А, следовательно, возможность их создания в рамках ГЧП. Кроме того, не меньший интерес на данный момент для государства представляют и коммуникационные (телекоммуникационные) технологии, которые тра-

---

[1] Закон Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 379–V «О государственно-частном партнерстве».

[2] Contractual PPP in high performance computer. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/summary-report-public-consultation-contractual-ppp-cybersecurity-and-staff-working-document.

[3] United Nations e-government survey 2018: gearing e-government to support transformation towards sustainable and resilient societies. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018–Survey/E–Government %20Survey %202018_FINAL %20for %20web.pdf.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

диционно отграничиваются от информационных технологий, хотя и упоминаются совместно с ними.

Полагаем, что в Закон о ГЧП следует внести изменения, указав, что в рамках ГЧП могут создаваться, в том числе, и результаты интеллектуальной и инновационной деятельности. Подобные изменения, как представляется, в большей степени бы способствовали развитию инновационной деятельности и цифровой экономики на началах совместного финансирования в рамках ГЧП.

Во-вторых, Закон о ГЧП предъявляет особые требования к частному партнеру в случае, если соглашение о ГЧП заключается по поводу создания объекта информационных технологий. При этом, согласно ст. 5 Закона о ГЧП, частным партнером не может быть иностранное юридическое лицо. Но подобное ограничение не вполне оправданно. Так, с одной стороны, введение такого ограничения очевидно ввиду необходимости обеспечения информационной безопасности России. С другой стороны, известно, что наша страна заинтересована в увеличении притока инвестиций в отечественную экономику, что может быть реализовано, в том числе, и за счет привлечения частных иностранных инвестиций.

Указанные недостатки обусловили необходимость поиска иных форм ГЧП, в рамках которых могли бы создаваться результаты интеллектуальной и инновационной деятельности. Хотя Закон о ГЧП регламентирует одну форму ГЧП, в науке отмечается, что традиционными формами ГЧП (многие из которых признаны международным и зарубежным законодательством) являются также: соглашение о разделе продукции, концессионное соглашение, соглашение об осуществлении предпринимательской деятельности в особых экономических зонах, а также совместные предприятия, венчурные фонды. Вызывает недоумение, почему законодатель не перечислил данные формы ГЧП в Законе о ГЧП [1].

Подводя итог, отметим, что институт ГЧП на современном этапе находится в процессе адаптации к активно изменяющимся экономическим отношениям. Изменения, внесенные в законодательство о ГЧП, являются важным шагом в развитии ГЧП, однако выявленные недостатки требуют своевременного их устранения в целях дальнейшего совершенствования данного института.

Библиографический список

1. *Белицкая А.В.* Правовое регулирование государственно-частного партнерства. М.: Статут, 2012.

2. *Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А.* Государственно-частное партнерство: теория и практика: учеб. пособие. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2010.

3. *Веселовский М. Я.* Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: современное состояние и перспективы // МИР. 2016. № 3. С. 6–11.

4. *Громова Е. А.* Соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности — гражданско-правовой договор // Администратор суда. 2014. № 2. С. 45–50.

5. *Громова Е. А.* О понятии технико-внедренческой деятельности // Право интеллектуальной собственности. 2016. № 3. С. 10–15.

6. *Громова Е. А.* Правовое регулирование государственно-частного партнерства в сфере создания робототехники // Правовое регулирование интеллектуальной собственности и инновационной деятельности: сб. ст. Междунар. науч.-метод. семинара (Москва, 19–20 апреля 2018 г.): / под ред. О. В. Сушковой. М.: Проспект, 2018. С. 213–220.

7. *Громова Е. А.* Проблемы Федерального закона «О государственно-частном партнерстве и внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации» // Юрист. 2017. № 11. С. 9–12.

8. *Килинкаров В. В., Дружинин Е. И.* Проблемы определения объекта соглашений в сфере публично-частного партнерства // Юрист. 2017. № 11. С. 16–21.

Секция 2
Публично-правовое обеспечение цифровизации

Е. И. Бахтеева[1], Д. А. Гришин[2]
[1]*Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург*
[2]*Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург*

Уголовная ответственность за преступления в сфере охраны цифровых технологий

Рассматриваются вопросы квалификации преступлений в сфере охраны цифровых технологий. Показана взаимосвязь неправомерного доступа к компьютерной информации как средства достижения преступного умысла, в частности, незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Авторы анализируют судебную практику и приходят к выводам о том, что привлечение к уголовной ответственности виновных лиц возможно только при условии наличия локальных нормативных актов, содержащих ограничения к доступу информации, относящейся к коммерческой, налоговой или банковской тайне.

Ключевые слова: коммерческая тайна; преступления в сфере компьютерной информации; неправомерный доступ к компьютерной информации; незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

Преступление в сфере компьютерной информации, предусмотренное ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), редко совершается лишь ради того, чтобы быть совершенным. Оно, как правило, является способом достижения иных целей, в частности корыстных, что находит свое отражение в совокупной квалификации содеянного по соответствующим статьям уголовного закона. В связи с этим неправомерный доступ к компьютерной информации должен вменяться в вину наряду с теми преступлениями, ради совершения которых такой доступ осуществляется.

Анализ судебной практики это подтвердил, т. к. очень часто неправомерный доступ к компьютерной информации является способом совершения преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, а именно незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

Понятие коммерческой тайны раскрывается в Федеральном законе от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», в котором

указано, что коммерческая тайна связана с конфиденциальностью информации, позволяющей ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду. В ч. 1 ст. 4 данного закона устанавливается право обладателя информации на отнесение ее к информации, составляющей коммерческую тайну, и на определение перечня и состава такой информации.

В настоящее время довольно часто происходят утечки баз данных, которые формируются государственными органами, учреждениями и коммерческими организациями. В том случае, если виновный собирал сведения, составляющие коммерческую тайну, с использованием служебного положения — использование реквизитов доступа и копирование информации из баз данных, с внутренней локальной сети коммерческой организации, — имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 272 и 183 УК РФ. При этом собирание сведений, составляющих коммерческую тайну, должно совершаться с прямым умыслом, т. е. виновный осознает, что его действия направлены на получение сведений, составляющих коммерческую тайну, что искомая информация заведомо обладает всеми признаками коммерческой тайны, и желает собрать именно такую информацию, которая, по сути, является предметом преступления. Установление законного режима коммерческой тайны в организации, соблюдение всех формальных требований при приеме на работу сотрудников позволяет привлечь их к уголовной ответственности за разглашение данных сведений конфиденциального характера.

Для обоснования сказанного следует обратиться к примеру из судебной практики. 1 февраля 2014 г. между ЗАО «Акадо-Екатеринбург» и ООО был заключен договор на оказание услуг по поиску клиентов для оказания услуг связи. Согласно договору, ООО обязуется не разглашать без согласия ЗАО «Акадо-Екатеринбург» конфиденциальную информацию, под которой понимается любая информация, прямо или косвенно затрагивающая ЗАО «Акадо-Екатеринбург» и полученная в ходе реализации указанного договора. А., принятый на работу в ООО на должность супервайзера группы продаж, приступил к исполнению своих служебных обязанностей. По трудовому договору А. принял на себя обязанность по ведению активного поиска потенциальных клиентов; обработке запросов потенциальных клиентов; поддержанию информационного обмена

с клиентами, информированию их о новых услугах, предоставляемых заказчиками, а также по другим вопросам, возникающим у клиентов; поддержанию и ведению утвержденных баз данных: организация работы группы продаж по продвижению услуг заказчиков; соблюдению и обеспечению защиты конфиденциальной информации, доверенной ему в связи с выполнением трудовых обязанностей, а также не разглашению информации, составляющей служебную и коммерческую тайну. В свою очередь для исполнения служебных обязанностей А. был предоставлен доступ к системе управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) ЗАО «Акадо-Екатеринбург». Данная система включает в себя список абонентов компании, их персональные данные, информацию, связанную с обслуживанием их в рамках заключенных договоров. Согласно приложению «Перечень информационных ресурсов, составляющих коммерческую тайну в ЗАО „Акадо-Екатеринбург“ к Положению «О коммерческой тайне», утвержденному 25 декабря 2015 г. генеральным директором ЗАО «Акадо-Екатеринбург», ведение баз данных системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) составляет коммерческую тайну ЗАО «Акадо-Екатеринбург». Тем самым, в соответствии со ст. 10 Федерального закона № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», со стороны ЗАО «Акадо-Екатеринбург» приняты меры по охране конфиденциальности информации, выражающиеся в определении перечня информации, составляющей коммерческую тайну. Для входа в систему управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) А. предоставлена персональная учетная запись и пароль к ней. В августе 2016 г. к А. обратилось неустановленное лицо с просьбой передать за денежное вознаграждение персональные данные абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург», содержащиеся в системе управления взаимоотношениями с клиентами (CRM). А., достоверно зная о том, что персональные сведения абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург», содержащиеся в системе управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), составляют коммерческую тайну ЗАО «Акадо-Екатеринбург» и их разглашение третьим лицам запрещено, из корыстной заинтересованности, с целью получения материального вознаграждения, согласился передать неустановленному лицу, заранее пообещавшему 30 тыс. р. в качестве денежного вознаграждения, персональные данные абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург». А., не обладая достаточными знаниями в области программного обеспечения, обратился к своему знакомому К. с просьбой произвести копирование персональных

данных абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург» из системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), пообещав денежное вознаграждение в размере 5 тыс. р., при этом пояснил, что персональные данные абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург» являются коммерческой тайной ЗАО «Акадо-Екатеринбург» и ему они необходимы для передачи третьим лицам. К., понимая, что передача персональных данных ЗАО «Акадо-Екатеринбург» является незаконной, из корыстных побуждений, с целью материального обогащения согласился на предложение А. о копировании персональных данных абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург», вступив таким образом в преступный сговор с последним. 14 августа 2016 г. около 21:20 А., действуя совместно и согласованно с К., отправил последнему сообщение, содержащее его персональную учетную запись, пароль к данной учетной записи и ссылку на панель управления системой управления взаимоотношениями с клиентами ЗАО «Акадо-Екатеринбург». Затем К., используя принадлежащий ему системный блок под учетной записью, принадлежащей А., действуя согласно своей отведенной роли, по предварительному сговору с последним, прошел по ссылке, войдя тем самым в систему управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) ЗАО «Акадо-Екатеринбург». С целью автоматизации копирования персональных данных абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург» из системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) К., действуя согласно своей отведенной роли, по предварительному сговору с А., создал программное обеспечение и произвел копирование системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) ЗАО «Акадо-Екатеринбург» персональных данных абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург» на принадлежащий ему системный блок, а также неустановленный носитель информации, полученный от А.

После чего, в неустановленное время, в неустановленном месте А. незаконно, т. е. без согласия ЗАО «Акадо-Екатеринбург», в нарушение заключенного с ним трудового договора от 1 июня 2016 г. передал неустановленному лицу неустановленный носитель информации, содержащий персональные сведения абонентов ЗАО «Акадо-Екатеринбург», которые относятся к коммерческой тайне ЗАО «Акадо-Екатеринбург»[1].

Вышеназванные лица были обоснованно осуждены по ч. 1 ст. 272, ч. 1 ст. 273 и ч. 1 ст. 183 УК.

---

[1] Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга по делу № 1–405/12 от 25 июля 2017 г. URL: http://sud-praktika.ru/precedent/366904.html.

На наш взгляд, важным условием привлечения А. и К. к уголовной ответственности было разработка и утверждение в организации локальных нормативных актов — «Перечня информационных ресурсов, составляющих коммерческую тайну в ЗАО „Акадо-Екатеринбург“» и Положения «О коммерческой тайне».

Названия подобных локальных актов могут отличаться, самое главное — они в организации приняты. Также очень важным является то, что именно из-за неправомерного доступа к компьютерной информации и было совершено посягательство на общественные отношения в сфере защиты коммерческой тайны.

Не менее показательным является следующий пример из судебной практики г. Нижний Новгород[1]. Обвиняемый Г. занимал должность специалиста группы информационного обслуживания № 2 Отдела информационного обслуживания Центра клиентского сервиса филиала Публичного акционерного общества «Мобильные ТелеСистемы» в Нижегородской области (ПАО «МТС»). В своей деятельности Г. руководствовался: требованиями должностной инструкции специалиста группы информационного обслуживания Центра клиентского сервиса филиала ПАО «МТС» в Нижегородской области, а также положениями ФЗ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», ФЗ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», нормативно-правовыми актами ПАО «МТС»: «Положение о режиме безопасности информации (конфиденциальности) ПАО „МТС“», «Требования по обеспечению информационной безопасности в ПАО „МТС“». В силу занимаемой должности Г. имел доступ к программе, содержащей сведения об абонентах и абонентских номерах ПАО «МТС». Согласно требованиям п. 66 Приложения 5 Политики ПТ–002–6 «Положения о режиме безопасности информации (конфиденциальности) ПАО „МТС“» личные пароли пользователей автоматизированных систем ПАО «МТС» относятся к сведениям, относимым к коммерческой тайне ПАО «МТС». Таким образом, в силу занимаемой Г. должности и выполняемой работы, ему были доверены и стали известны сведения о личных паролях пользователей автоматизированных систем ПАО «МТС», которые он имел возможность генерировать и которые, в соответствии с п. 1.2 ст. 3 ФЗ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», относятся к охраняемой законом тайне.

---

[1] Приговор Советского районного суда г. Нижний Новгород по делу № 1–287/17. URL: http://sud-praktika.ru/precedent/544613.html.

К Г. посредством приложения для обмена сообщениями «Viber», установленного в его мобильном телефоне, обратился ранее знакомый ему И., который попросил установить принадлежность телефонного номера. Г., используя свои служебные возможности, исполняя просьбу И., осуществил вход в программу с использованием своего пароля и логина, ввел в поле «Поиск» номер телефона, после чего на экране отобразились данные лица, которому он принадлежит — М. После этого он направил И. текстовое сообщение посредством приложения «Viber» о принадлежности вышеуказанного номера телефона М.

В последующем И. снова обратился к Г. и попросил его сообщить ему пароль от личного кабинета абонента, зарегистрированного на имя М., на что Г. согласился.

Г., находясь на своем рабочем месте, реализуя свой преступный умысел, направленный на неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации с последующей её модификацией и на незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую тайну иным незаконным способом, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена и стала известна по работе, будучи достоверно осведомленным об отсутствии согласия со стороны пользователя личного кабинета М. и поручения от его имени или от имени руководства ПАО «МТС» о предоставлении данных сведений, составляющих коммерческую тайну, третьим лицам, на своем рабочем компьютере осуществил вход в программу CRM «Siebel» с использованием своего пароля и логина. После чего осуществил просмотр и генерацию пароля от личного кабинета клиента ПАО «МТС» М., осуществив тем самым незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую тайну ПАО «МТС» иным незаконным способом, которые ему были доверены и стали известны по работе, после чего отправил сгенерированный пароль И., указав в CRM «Siebel» в качестве получателя сгенерированного пароля номер телефона №..., принадлежащий И., совершив таким образом незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, и модифицирование компьютерной информации, повлекшее блокирование доступа к ней законного владельца М.

На основании изложенного, Г. был обоснованно привлечен к ответственности по ч. 2 ст. 183 УК РФ — незаконные получение и разглашение составляющих коммерческую тайну, без согласия их владельца лицом, сведения которому стали известны по работе, и ч. 3 ст. 272 УК РФ — неправомерный доступ к охраняемой законом ком-

пьютерной информации, если это деяние повлекло модификацию компьютерной информации, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Проанализиров судебную практику, можно сделать вывод, что закрепление в локальных нормативных актах перечня сведений, составляющих коммерческую тайну в организации, позволяет привлечь виновных к уголовной ответственности за ее разглашение. Поэтому важность своевременного принятия в организации Положения о сведениях конфиденциального характера должна разъясняться руководителям организации и сотрудникам юридических служб при проведении различных обучающих семинаров и форумов.

А. Б. Бекмагамбетов, Г. Е. Хакимова
Костанайский государственный университет,
Костанай, Республика Казахстан

Особенности реализации госпрограммы «Цифровой Казахстан» в Костанайской области

Рассмотрены вопросы обозначения цифровой повестки в Республике Казахстан, их отражение в крупных стратегических документах (Послания Президента, государственная программа «Цифровой Казахстан») и особенности реализации региональных планов по масштабной цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая экономика; государственная программа; Костанайская область.

В современных реалиях digitalization (цифровизация) — мегатренд, драйвер, эффективный инструмент модернизации, фундаментальная основа созидания государства, общества, права Будущего. Как подчеркивает Клаус Шваб, «технологии и цифровые преобразования могут кардинально изменить все вокруг»[1]. Решением Высшего Евразийского экономического Совета от 26 декабря 2016 г. № 21 было составлено общее заявление, в котором четко обозначена «необходимость развития цифровой экономики государств-членов и формирования цифровой повестки ЕАЭС».

В соответствии с Решением Высшего Евразийского экономического Совета от 11 октября 2017 г. № 12 «к направлениям развития цифровой экономики в рамках настоящих Основных направлений

[1] *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2018. С. 19.

относятся: цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация, цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, цифровая трансформация процессов управления интеграционными процессами, развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов».

Нашим ответом на это выступают: Послания Президента РК народу «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» от 31 января 2017 г., «Новые возможности в условиях четвертой промышленной революции» от 10 января 2018 г.; государственная программа «Цифровой Казахстан»; Приказ министра цифрового развития, оборонной и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 11 апреля 2019 г. № 37/НҚ «Об утверждении перечня приоритетных видов деятельности в области информационно-коммуникационных технологий и критериев собственного производства товаров участников Международного технологического парка „Астана Хаб“».

Реализация госпрограммы «Цифровой Казахстан» в Костанайской области проводится в рамках региональной Дорожной карты, состоящей из 130 мероприятий по 11 направлениям. На данный момент исполнены 93 мероприятия, переходящие на 2019 г. 37, на их реализацию направлены 3 178,1 млн тг. из местного бюджета и более 3 500 млн тг. за счет частных инвестиций. В рамках цифровизации сферы сельского хозяйства за счет собственных средств предприятий (более 3,5 млрд тг.) реализованы запланированные 32 мероприятия. Внедрение смарт-технологий только на шести пилотных агрофермах («Терра», «Олжа-Садчиковское», «Жас Канат», «Каркын», «Заречное», «Трояна» и КХ «Тэрра») подтвердило их успешность и экономический эффект. Согласно информации министерства сельского хозяйства, область лидирует по цифровизации АПК по республике. Эффекты: «Точное земледелие», ТОО «Трояна» совместно с КазАТУ им. С. Сейфуллина, общий экономический эффект составил 20,1 млн тг. В целом применение технологии высокоточного позиционирования в сельском хозяйстве позволяет: повысить урожайность на 20–30 %; снизить расход моторесурса на 40 %; снизить время холостого прохода техники на 14–18 %; снизить расход топлива, ГСМ и расходных материалов на 15–20 %; увеличить производительность работ на 15–20 %. В АПК есть еще такие проекты, как «Умный маслозавод», «Умная молочная ферма», «Умная мяс-

ная ферма», «Умная птицефабрика». Общий экономический эффект от реализации пилотных проектов превысил 1,5 млрд тг.

По направлению «Смарт сити» реализуется 11 мероприятий, исполнено 10, 1 переходящий на 2019 г. На их реализацию выделено 492,3 млн тг. В рамках проекта «Умный город» в г. Костанай установлены «умные светильники», «умные светофоры», применены элементы цифровизации в службе по санитарной очистке и уборке города. Эффекты: экономия дизельного топлива на 10–15 %, бензина от 12 до 37 % при уборке территории и вывоза бытового мусора, снижено потребление электроэнергии до 30 % с переходом режима освещения на вечернее, утреннее и ночное на 20 тыс. кВт·ч (от 86 772 кВт·ч на 66 793 кВт·ч.), или 494 тыс. тг. (за период июнь-ноябрь 2018 к аналогичному периоду 2017 г). По опыту г. Астана внедрено мобильное приложение «SmartQostanay» (доступно более 30 сервисов), реализован первый этап создания «Интерактивной умной карты — схема улиц, зданий и коммуникаций» на сумму 100 млн тг. для принятия территориальных управленческих решений. Автоматизирован процесс начисления налоговых платежей на 100 %.

В рамках цифровизации сферы безопасности в области реализуются семь мероприятий. Из них пять осуществлены, исполнение двух мероприятий переходит на 2019 г. Выделено финансовых средств на сумму 962,4 млн тг. В текущем году установлено и введено в эксплуатацию 20 аппаратно-программных комплексов фиксации нарушений ПДД (далее — АПК). Комплексами перекрыты все шесть въездов в г. Костанай. Эффекты: за 11 месяцев текущего года системой «Автоураган» зафиксировано 56 145 правонарушений, из них на исполнение 31 218 предписаний на сумму 265 млн 426 тыс. тг. Реализован проект «Электронное уголовное делопроизводство (Е–УД)». Приобретено 284 компьютерного оборудования для следователей и дознавателей ОВД области.

В декабре 2018 г. приобретено 364 планшета, 89 лазерных принтеров и 275 мобильных термопринтеров для сокращения времени на оформление протокола с 30 до 5 мин и регистрацию с 10 дней до онлайн режима. Всего с 1 января 2018 г. по 7 декабря 2018 г. возбуждено 6403 административных материала по линии дорожной безопасности в электронном формате, по которым наложено штрафов на сумму 46 млн 131 тыс. 508 тг. Ожидается снижение количества ДТП, т. к. системы фиксации нарушений ПДД в первую очередь дисциплинируют водителей, а также эффективно влияют на про-

филактику правонарушений в сфере ДТП. В целом внедрение цифровых технологий в сфере безопасности позволило уже на данный момент окупить 311,5 млн тг. с начала года.

В сфере МСБ реализуется 12 мероприятий, из них исполнено — 10, в работе — 2. На их реализацию в 2018 г. выделено 34,3 млн тг. В целях развития туризма и предпринимательства в области создана база данных туристических достопримечательностей области (сайт-портал и мобильное приложение с 3D-тур по достопримечательностям Костанайской области), установлены интерактивные киоски, а также создан «Каталог отечественных товаропроизводителей Костанайской области». За счет гранта (грант 225 тыс. долл.) Азиатского банка развития реализуется проект «BIG DATA» — цифровая база данных субъектов предпринимательства. Этот проект не имеет аналогов по республике. Внедряется система безналичных платежей на базе технологии QR-код и мобильного приложения АО «Казпочта» post.kz. На сегодняшний день система внедрена на двух рынках г. Костанай (155 торговых точек). Ведется работа по внедрению «онлайн контрольно-кассовых машин» в двух торговых центрах «Март», «ЦУМ», что будет способствовать увеличению сбора налогов и обеспечит прозрачность начисления налогов.

В рамках цифровизации промышленности реализованы два мероприятия: в АО «ССГПО» внедрена ERP и система «Умный карьер» на Качарском месторождении. Ведется работа по внедрению данной системы на Куржункульском и Соколовско-Сарбайском месторождениях. Для этих целей получено разрешение на использование радиочастот (WLL 3,6 Ггц на оборудование LTE).

Таким образом, первые результаты свидетельствуют о положительном эффекте. Сегодня технологическое развитие в самых разных сферах человеческой жизни существенно меняет природу многих социальных регуляторов, в особенности правовых конструкций, либо наполняет их новым содержанием. Возникает острая необходимость взглянуть на современное государство, общество и право с позиций футурологического, междисциплинарного и кросс-культурного подходов, изучая передовой мировой опыт. Такой дискурс целесообразно вести на системной основе, сделав ставку на потенциал молодых ученых и их раннего интегрирования в научно-исследовательскую и промышленно-технологическую среду.

А для этого было бы обоснованным разработать государственную программу «Жас ғалым — цифрлық экономикаға» («Молодой

ученой — цифровой экономике») — документ, предусматривающий конкурсный отбор наиболее талантливой молодежи, выделение целевых исследовательских грантов, направление на международные научные стажировки в топовые университеты мира, ведение отдельного банка инновационных идей, портфеля проектов для инсталляции.

В образовательных программах вузов целесообразно ввести соответствующие дисциплины «Цифровая экономика», «Правовое регулирование цифровой экономики в странах ЕАЭС», провести реновацию и ресистематизацию нормативно-правового регулирования.

М. Н. Вилачева
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Финансирование научной деятельности как гарантия реализации свободы научного творчества в цифровой экономике

Исследован вопрос финансирования научной деятельности в условиях цифровизации, рассмотрены основные проекты, поддерживающие развитие науки и образования, сделан вывод о необходимости финансовой поддержки содержательных и долговременных научных исследований, восстановлении роли науки в качественном высшем образовании как одном из аспектов свободы научного творчества.

Ключевые слова: финансирование научной деятельности; свобода научного творчества; гранты; фонды поддержки науки и образования; цифровая экономика.

Конституция Российской Федерации закрепляет свободу научного творчества. Однако практическая реализация данной свободы сталкивается с рядом проблемных вопросов, одним из которых является финансирование научной деятельности. Без материальной стороны вопроса невозможно в полной мере само научное творчество. Финансирование научной деятельности во многом определяет научный потенциал и результат труда ученых.

В условиях развития цифровой экономики огромное внимание уделяется финансовой поддержке приоритетных направлений научной деятельности за счет средств государственного бюджета, в том числе в сфере информационных технологий. Это происходит посредством финансирования таких программ, как национальный

проект «Наука»[1], включающий в себя три федеральных проекта, государственную программу Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»[2]. Также в России имеются научные и инновационные структуры, деятельность которых регулируется нормативными правовыми актами, во многом учитывающими специфику научного творчества. К ним относятся НИЦ «Курчатовский институт», Объединенный институт ядерных исследований, Фонд развития инновационного центра «Сколково» и др.

Однако следует сделать акцент на финансировании научной деятельности. Основными российскими фондами, поддерживающими сферу науки и образования, являются:

Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), целью деятельности которого является «финансовая и организационная поддержка научных исследований в области гуманитарных наук, способствующая реализации государственной научно-технической политики, распространению гуманитарных научных знаний в обществе, основанная на принципах предоставления ученым права свободы творчества, выбора направлений и методов проведения исследований».

Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), который обеспечивает проведение конкурсного отбора лучших научных проектов и их последующее организационно-финансовое обеспечение. РФФИ поддерживает фундаментальные исследования в области физико-математических наук, химии, биологии, науке о человеке и обществе, информационных технологиях.

Российский научный фонд, созданный по инициативе Президента Российской Федерации в целях поддержки фундаментальных и поисковых исследований, развития научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки. Фонд проводит конкурсный отбор научных, научно-технических программ и проектов.

Важную роль играет *Совет по грантам Президента Российской Федерации* для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ

---

[1] Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

[2] Федеральный закон от 29 ноября 2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов».

Российской Федерации. В деятельность Совета входит рассмотрение вопроса о выделении грантов и стипендий Президента РФ для молодых ученых, осуществляющих перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики. Статистика позволяет сделать вывод, что интерес в реализации научного потенциала молодых ученых посредством участия в грантовой деятельности непреклонно растет. Так, в 2019 г. квота по конкурсу молодых кандидатов наук составляет 400 грантов, а уже подано 2460 заявок[1]. Таким образом, система финансирования научной деятельности с помощью грантов способствует тому, что в научной среде развивается конкуренция, увеличивается количество направлений исследования и самих соискателей грантов.

Освобождение от налогообложения доходов, полученных в результате исследовательской деятельности, стало существенной поддержкой научного потенциала ученых и нашло свое закрепление в пп. 6, 7 ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации. Согласно Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг., объем внутренних затрат на исследования и разработки в России в 2017 г. составил 1019,2 млрд р., что на 2,6 % больше, чем в 2016 г.[2] Общий объем ассигнований на науку из средств федерального бюджета в 2019 г. составит 416,3 млрд р. В последующем планируется ежегодно выделять на науку свыше 450 млрд р., что приведет к росту доли ассигнований в расходах федерального бюджета до 2,89 % в 2020–2021 гг. Кроме того, в 2018 г. Россия заняла 10-е место в рейтинге ведущих стран мира по затратам на науку, уступая пятерке лидеров, в число которых входят США, Китай, Япония, Германия и Республика Корея[3]. В целом Россия остается одним из мировых лидеров по абсолютным масштабам занятости в науке.

Анализ государственного финансирования научной деятельности позволяет отметить возможность получения грантов со стороны

---

[1] Совет по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации. URL: https://grants.extech.ru/index.php?mlevel=1–0-0–0.

[2] *Ратай Т. В.* Внутренние затраты на исследования и разработки в Российской Федерации: намечается рост. URL: https://issek.hse.ru/data/2018/09/19/1153687012/NTI_N_102_19092018.pdf.pdf.

[3] *Ратай Т. В.* Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/221869863.

бизнес-структур. В настоящее время в России действует множество фондов, поддерживающих науку, как российских (Некоммерческий Международный благотворительный фонд «Научное партнерство», Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева, Фонд поддержки образования и науки (Алферовский фонд) и др.), так и зарубежных. Среди них необходимо отметить роль Европейского исследовательского совета (далее — Совет) в вопросе финансирования научной деятельности. Совет оказывает всестороннюю поддержку ученым из разных стран мира, в том числе и российским ученым, которые хотят продвигать собственные научные идеи и проекты. Основной принцип деятельности Совета — «полная свобода исследований, отсутствие каких-либо ограничений». Основными направлениями грантовой поддержки ученых являются гранты для индивидуальных исследователей, имеющих научные публикации и опыт исследовательской работы в течение 2–7 лет после получения докторской степени; гранты для заслуженных ученых, занимающихся исследовательской деятельностью не менее 10 лет; гранты для группы исследователей из 2–4 человек и др.

Важной составляющей мер по совершенствованию финансирования научной деятельности, по мнению автора, должны стать переориентация финансирования науки с краткосрочных программ с чисто формальными результатами на поддержку содержательных и долговременных научных исследований и на восстановление роли науки в качественном высшем образовании. Таким образом, увеличение сроков финансирования научных проектов будет способствовать увеличению количества заявок на долгосрочные научные проекты в рамках фундаментальных наук. Увеличение бюджета РГНФ и РФФИ будет способствовать развитию научного творчества. Выдвижение оригинальных научных идей, создание новых научных направлений и воспитание молодых талантливых ученых позволит в полной мере обеспечить конституционную свободу научного творчества.

О. А. Кожевников
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург,
Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург

Цифровизация в механизме реализации конституционного права на судебную защиту

В рамках настоящего исследования на основе примеров из различных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления правосудия разными ветвями судебной власти, автором делается вывод о расширении механизмов гарантий реализации конституционного права на судебную защиту путем внедрения в судопроизводство элементов цифровизации.

Ключевые слова: Конституция РФ; Конституционный Суд РФ; цифровизация, правосудие; судопроизводство; электронный документ; право на судебную защиту.

Стремительное развитие IT-технологий в XXI в. уже привело и продолжает существенным образом приводить к качественным изменениям во всех сферах человеческой жизнедеятельности, и сфера правосудия не стала исключением [1]. Становится очевидным, что внедрение отдельных элементов цифровизации при осуществлении правосудия является назревшей необходимостью, направленной, в первую очередь, на обеспечение и продвижение одного из основных прав человека — права на судебную защиту и права на судопроизводство в разумный срок, закрепленных в ст. 46 Конституции РФ и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

22 мая 2018 г. на пленарном заседании Совета судей РФ его председатель В. Мамонов озвучил следующие цифры: только за 2017 г. в электронном формате в суды общей юрисдикции поступило более 200 тыс., а в арбитражные — более 300 тыс. процессуальных обращений. Конечно же, если сравнивать с тем, что за аналогичный период в судах оказалось более 28 млн дел, то представленные цифры являются каплей в море, но не учитывать тенденции мы не можем, поскольку, как отметил председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в лекции, прочитанной для участников VIII Петербургского международного юридического форума, «…мы можем однажды проснуться и понять, что того мира, в котором мы жили, больше нет» [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. При этом ст. 12 Основного закона нашего государства определено, что именно правосудием обеспечивается непосредственное действие прав и свобод

человека и гражданина на всей территории РФ. В связи с этим не вызывает сомнений тот факт, что исполнение вышеуказанных положений Конституции РФ находится в прямой зависимости от уровня внедрения в работу судов современных цифровых технологий.

Основные положения государственной политики в области информатизации судебной деятельности сформулированы в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406. В качестве заявленных целей и задач в названной программе определено: повышение качества осуществления правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций через обеспечение открытости и доступности правосудия; создание необходимых условий для осуществления правосудия, повышение открытости и доступности системы принудительного исполнения и др.

Обеспечению закрепленного в Конституции РФ принципа публичности судебного разбирательства и открытости правосудия направлены положения Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», которым, в частности, закрепляются способы обеспечения доступа к информации о деятельности судов путем присутствия граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления, в открытом судебном заседании; размещение информации о деятельности судов в сети «Интернет»; трансляции открытых судебных заседаний в сети «Интернет» и др.

Таким образом, можно констатировать, что в РФ в целом создана нормативно-правовая база внедрения в работу судов различной юрисдикции современных цифровых подходов к осуществлению правосудия.

Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод (ст. 46, ч. 1 и 2), не предполагает, что граждане и их объединения могут по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру осуществления данного права. Согласно ст. 118 (ч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации, правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Указанные виды судопроизводства на современном этапе также существенным образом

трансформируются путем внедрения различных аспектов цифровизации, что повышает уровень обеспечения конституционного права на судебную защиту в установленных процессуальных способах.

Так, ст. 37 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусмотрена возможность направления обращений в Конституционный Суд Российской Федерации в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в порядке, установленном Регламентом данного суда, или в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Ранее такая возможность у заявителей отсутствовала, кроме того, в целях оптимизации документооборота и «контакта» суда с заявителем, при подаче им документов в электронном виде переписка Конституционного суда РФ с заявителем осуществляется также в электронном виде.

В арбитражном судопроизводстве, в соответствии с ч. 7 ст. 4 АПК РФ, исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд как на бумажном носителе, так и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Реализация указанного положения кодекса закреплена Правилами подачи электронных документов в арбитражные суды, утвержденными Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252.

Распространение электронных форм документов в современном деловом обороте способствовало внесению соответствующих изменений и в иные аспекты процессуального законодательства. Так, Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» внесены значительные изменения в нормативные акты, регламентирующие возможность применения электронных документов в судебных процессах. В частности, ст. 71 ГПК РФ предусматривает отнесение к письменным доказательствам документов и материалов, выполненные в форме цифровой,

графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документов, подписанных электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненных иным, позволяющим установить достоверность документа способом.

Абзац 2 ч. 1 ст. 41 АПК РФ устанавливает, что лица, участвующие в деле, вправе представлять в арбитражный суд документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, заполнять форму, размещенную на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Частью 1 ст. 155.1 ГПК РФ определено, что при наличии в судах технической возможности осуществления видеоконференц-связи лица, участвующие в деле, их представители, а также свидетели, эксперты, специалисты, переводчики могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом или по инициативе суда. Аналогичные положения присутствуют и в Арбитражном процессуальном кодексе РФ.

Продолжением внедрения и развития цифровых технологий в правосудии можно считать положения Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым установлено, что с 1 сентября 2019 г. вводится обязательное аудиопротоколирование судебного заседания в гражданском процессе в судах первой и апелляционной инстанции; при этом участвующие в деле лица и их представители будут вправе знакомиться с аудиозаписью и подавать на нее замечания. Также названным федеральным законом внесены поправки в Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс и Кодекс административного судопроизводства, согласно которым основным способом формирования состава суда станет использование автоматизированной информационной системы.

И это далеко не все примеры нормативно-правового обеспечения внедрения достижений цифровых технологий в процессуальную плоскость правосудия. Представляется очевидным, что механизм реализации судебными органами конституционного права граждан на судебную защиту путем осуществления правосудия су-

щественно трансформируется с учетом происходящих динамичных изменений в сфере информации и цифровых технологий.

Конечно, внедрение цифровых технологий в правосудие происходит небезболезненно и не всегда нужными темпами, это не скрывают и представители судебной системы, в том числе руководство Совета судей России, однако нет сомнений, что цифровизация правосудия открывает новые горизонты и широкие возможности для развития системы гарантированности и обеспечения судебными органами конституционных прав и свобод граждан и их объединений. Применение современных цифровых технологий позволяет обеспечить новый уровень и качество судебной защиты, значительно снижающий влияние человеческого фактора и сопутствующих ему коррупции и ошибок [3].

Библиографический список

1. *Джафаров А. М.* Цифровизация процесса отправления правосудия: достижения, перспективы, проблемы (на примере Азербайджанской республики) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 11–15.

2. *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая.

3. *Фешина С. С., Коновалова О. В.* Перспективные направления противодействия мелкой коррупции в России в условиях цифровой экономики // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 5. С. 92–99.

Т. В. Лузина, Е. М. Маркелова
Тюменский государственный университет, Тюмень

Цифровизация Евразийского экономического союза: правовое обеспечение и перспективы развития

Рассмотрены основные нормативно-правовые акты, создающие основу цифровизации в рамках Евразийского экономического союза, представлена оценка индекса развития электронного правительства, определены направления минимизации рисков цифровизации при взаимодействии государств — членов ЕАЭС.

Ключевые слова: цифровизация; ЕАЭС; интеграция.

Феномен экспансии информационных и коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни определяется в экономической теории как информационно-цифровая революция, цифровизация экономики.

Нормативно-правовую базу формирования и развития цифровой экономики в ЕАЭС составляет достаточно обширный свод документов, в которых определены основные понятия, направления, цели, задачи. Основные из них:

– Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.;

– Декларация конференции «Цифровая повестка в ЕАЭС», состоявшейся в Сколково 27 октября 2016 г.;

– Стратегия развития интегрированной информационной системы ЕАЭС на период до 2025 г.;

– Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.;

– Повестка цифровой трансформации Армении до 2030 г.;

– Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. Республики Беларусь от 3 ноября 2015 г.;

– Госпрограмма «Цифровой Казахстан», утвержденная постановлением Правительства РК от 12 декабря 2017 г. № 827;

– Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве ЕС — Казахстан от 21 декабря 2015 г.;

– Программа цифровой трансформации «Таза Коом» от 3 апреля 2017 г. (Кыргызская Республика);

– Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 31 июля 2017 г.

Развитие цифровой экономики стран — участниц ЕАЭС демонстрирует разные уровни зрелости: в структуру нормативно-правовых актов, формирующих национальную цифровую повестку, входят различные нормативно-правовые акты, что указывает на растущее понимание со стороны руководителей государств важности цифровизации. Однако национальные инициативы стран отличаются друг от друга с точки зрения программных приоритетов и сроков реализации. Наиболее структурированы национальные программы цифровой экономики в России, Казахстане и Белоруссии, в них отражены целевые индикаторы и методология их расчета.

Проведенный анализ нормативных документов позволил выделить шесть общих ключевых направлений: электронное правительство; подготовка кадров для цифровой экономики; создание цифровой инфраструктуры; кибербезопасность; цифровая трансформация промышленности и развитие сектора информационно-коммуникационных технологий; цифровизация финансовой системы.

Уровень развития цифровой экономики и рейтинг страны измеряют на основе различных композитных индексов, интегрирующих отдельные субиндексы, которые отвечают за цифровизацию. Нами будет рассмотрен Индекс развития электронного правительства (EGDI). По данным ООН, в 2018 г. ЕАЭС занимает 33-е место в рейтинге из 193 экономик (0,7906). По сравнению с 2014–2016 гг. на 9 % к 2016 и на 10 % к 2014 (индексы 0,7243 и 0,7184 соответственно) произошел рост на три позиции (с 36-го на 33-е место), обусловленный улучшением позиций Белоруссии (с 49-го на 38-е место), Киргизии (с 97-го на 91-е место) и России (с 35-го на 32-е место)[1]. По показателям EGDI за 2018 г. ЕАЭС имеет наиболее высокое значение по субиндексу «развитость онлайн-сервисов» (0,9039), далее — «человеческий капитал» (0,8506) и «развитость ИКТ-инфраструктуры» (0,6174)[2]. Наиболее высокую позицию среди государств — членов ЕАЭС по EGDI занимает Россия — 0,7969 (32-е место), далее — Белоруссия — 0,7641 (38-е место), Казахстан — 0,7597 (39-е место), Армения — 0,5944 (87-е место) и Киргизия — 0,5835 (91-е место) (рис. 1)[3].

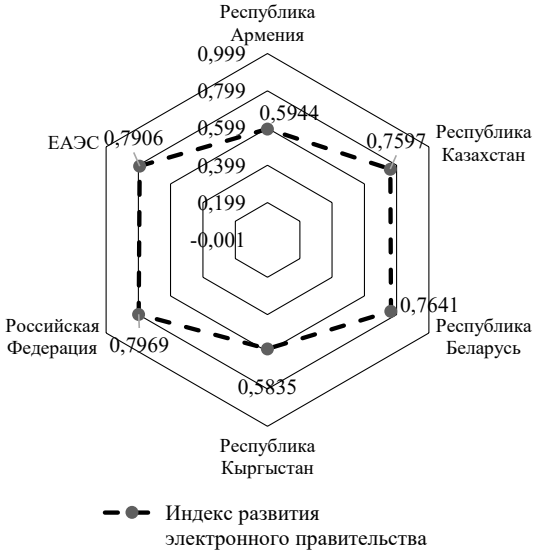

Рис. 1. Индекс развития электронного правительства в странах ЕАЭС

[1] Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2018 году: международные рейтинги. Аналитический доклад. М.: ЕЭК, 2019.

[2] Там же.

[3] Там же.

Таким образом, исходя из анализа динамики EGDI в 2016–2018 гг. в странах ЕАЭС, можно сказать, что для стран ЕАЭС характерно положительное изменение значений индекса и субиндексов развития электронного правительства, что демонстрирует достижение наилучших результатов в построении информационного общества. Проблемы связаны с разработкой онлайн-сервисов, телекоммуникационной инфраструктуры и развитием человеческого капитала. EGDI имеет достаточно высокий показатель, т. е. национальные государственные структуры готовы использовать информационно-коммуникационные технологии для предоставления государственных услуг, а также взаимодействовать с таможенными администрациями.

Однако одновременно присутствуют и определенные риски: рост преступности — недополучение таможенных платежей; цифровое мошенничество — риски рынка криптовалюты; высокое энергопотребление; отсутствие гармонизированного законодательства; цифровой разрыв стран ЕАЭС; уязвимость цифровой безопасности; автоматизация труда — сокращение рабочих мест; необходимость массового просвещения населения; отсутствие поддержки бизнеса; риск финансовых спекуляций; угроза доминирования одной страны в развитии технологий. Для снижения рисков цифровизации при взаимодействии государств — членов ЕАЭС нами предложены основные направления для их противодействия (рис. 2).

Использование данных направлений по противодействию возникновения рисков от цифровизации при взаимодействии стран — участниц ЕАЭС на всех уровнях экономической и социальной жизни позволит воспользоваться преимуществами цифровизации и вывести национальные экономики стран ЕАЭС на должный эффективный уровень.

Итак, в цифровой сфере ЕАЭС ведутся активные преобразования. Взятый весьма интенсивный темп дает все основания надеяться, что цифровизация ЕАЭС в целом и экономик стран-участниц будет проходить с применением передовых современных технологий. В связи с этим можно сделать вывод о продвижении процесса создания модели единого цифрового пространства. Безусловно, первоначальным этапом подготовки к приведению данной концепции в действие является создание нормативно-правовой базы по данному виду экономических отношений. Перед вступлением унифицированного международного законодательства в силу процесс подготовки будет сопровождаться поправками и изменениями

в национальных законодательствах стран — участниц экономической интеграции.

– совершенствование нормативно-правовой базы формирования и дальнейшего развития диджитализации в ЕАЭС

– устранение проблем с помощью определения вызовов и угроз, от которых зависит дальнейшее использование возможностей диджитализации;
– управление рисками в экономической сфере на уровне мировой интеграции ЕАЭС, государства, отдельных отраслей, корпораций, предприятий

– проведение мероприятий для подготовки к внедрению инноваций;
– техническая поддержка таможенных органов;
– обеспечение информационной безопасности в таможенных органах

– формирование у населения компетенций в области кибербезопасности, финансовой грамотности;
– обобщение и учет зарубежного опыта стран с развитой цифровой экономикой

– укрепление бизнес-среды для частного сектора в сфере Интернета и ИКТ, что поможет получать необходимые ресурсы, способствует инновациям и созданию рабочих мест

– создание системы, которая позволит избегать риска лишиться работы вследствие автоматизации труда;
– стимулирование занятости в области информационно-коммуникационных технологий

– формулирование и решение задач по созданию европейского аналога информационно-коммуникационной сети Интернет в целях разработки непрозрачных сетей на базе аппаратного оборудования и программного обеспечения

Рис. 2. Направления минимизации рисков цифровизации при взаимодействии государств — членов ЕАЭС

Процесс формирования единого информационного пространства происходит поэтапно. Одним из важных этапов его формирования является развитие цифровой экономики, цифровой сферы, а в дальнейшем и всего цифрового пространства интеграционной группировки.

В. А. Мещерягина
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Право на забвение как новое правомочие конституционного права на неприкосновенность частной жизни

Одним из главных рисков цифровизации является риск утраты или незаконного использования и распространения персональных данных, данных, которые составляют личную и семейную тайну. Автор рассматривает основы правового регулирования права на забвение в качестве новой формы реализации конституционной гарантии неприкосновенности частной жизни.

Ключевые слова: право на забвение; частная жизнь; тайна; доступ; Интернет.

С развитием телекоммуникационной сети «Интернет» вопросы реализации и защиты частной жизни граждан приобретают все новые проблемные аспекты. Первая проблема заключается в том, что законодательство России не содержит легального определения дефиниции «частная жизнь», соответственно и порядок квалификации сведений, составляющих тайну частной жизни, личную и семейную тайну, остается оценочной категорией.

Безусловно, Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 23 провозглашает право лица на защиту чести и доброго имени. Часть 1 ст. 24 Конституции РФ закрепляет недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Однако в формулировках конституционных норм очевидно противопоставление рассматриваемых прав и возможного вмешательства в них государства.

Этот концепт был усилен в 1995 г., когда Комитет ООН по правам человека в своих рекомендациях указал Российской Федерации принять специальное законодательство о защите частной жизни «…с целью предотвращения нарушений права на защиту от незаконного или произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь и посягательств на неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции».

Иначе к проблеме защиты частной жизни, личной и семейной тайны законодатель подходит в ст. 150 Гражданского кодекса РФ, которая раскрывает защиту достоинства личности, чести и доброго имени, деловой репутации и иных личных неимущественных прав. Другими словами, гражданское законодательство расширяет защиту частной жизни, включая в ее орбиту не только государство, но и

иных (равновеликих) субъектов — граждан, которые также способны незаконно вторгаться в сферу частной жизни.

Выкладывая личные фотографии в социальные сети, указывая свои персональные данные, человек подвергается риску использования данной информации в противоправных целях. Примером могут послужить случаи шантажа: когда взламываются сотовые телефоны и к мошенникам попадают интимные фотографии, распространение которых может повлечь умаление чести, достоинства или деловой репутации.

При этом, с позиции цивилистики, сведения могут признаваться порочащими честь, достоинство или деловую репутацию, только если они *не соответствуют действительности* согласно п. 1 ст. 152 ГК РФ. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в Интернете, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей через сети.

В п. 2 ст. 152 ГК РФ специально определен порядок опровержения порочащих сведений, которые распространены в СМИ. Более подробно он регламентирован в ст. 44 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 «О средствах массовой информации». Опровержение в периодическом печатном издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал.

Здесь мы сталкиваемся со второй проблемой защиты частной жизни лица: если сведения хоть и наносят ущерб чести, достоинству или деловой репутации, но соответствуют действительности, гражданин фактически лишен возможности воспользоваться правовым инструментарием восстановления прав.

Да, никто не лишает гражданина права обратиться в правоохранительные органы с заявлением о преступлении по ст. 159 Уголовного кодекса РФ. Но нужно понимать: уголовно-процессуальное решение проблемы затягивается порой на долгие месяцы, а «пикантные» или иные фото (информация), умаляющие право тайны частной жизни, необходимо устранить из всеобщего доступа незамедлительно.

Именно для таких случаев сегодня возникло так называемое «право на забвение» (Right to be forgotten), или принцип Хабеас Дата.

Согласно этому принципу, любой человек имеет право «требовать в судебном порядке ознакомления с любыми касающимися его данными, хранящимися в любых архивах и учреждениях, включая архивы служб государственной безопасности».

Таким образом, право на забвение — это право любого лица, в отношении которого осуществлялись сбор, хранение и обработка данных, требовать прекращения выдачи данных, которые умаляют тайну частной жизни лица (если предоставление и обнародование такой информации прямо не предусмотрено законом).

Схожую трактовку предлагает ст. 10 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Более того, в ст. 10.3 указанного федерального закона содержатся элементы права на забвение: «... оператор поисковой системы, *распространяющий в сети «Интернет» рекламу*, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории России, по требованию гражданина обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе:

1) распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации;

2) являющейся недостоверной;

3) являющейся неактуальной;

4) утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности, по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость».

Существенным упущением законодателя видится «привязка» права на забвение к распространению рекламы через сеть Интернет. Однако на практике операторы поисковых систем «Яндекс», Google и т. д. рассматривают требования граждан на удаление информации не только в рекламных целях.

Так, с момента вступления в силу поправок к ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», по состоянию на 25 марта 2016 г. «Яндекс» получил более 3600 обращений от 1348 чел., 27 % обращений были удовлетворены полностью, 9 % — частично, на 73 % обращений «Яндекс» ответил отказом. В момент 2019 г. «Яндекс» больше не предоставлял информацию по этому поводу.

Высокая доля отказов связана с тем, что «Яндекс» не может проверить, достоверна информация или нет, нарушает ее распространение чьи-то права или какие-либо законы. Представители «Яндекса» предупреждали об этом еще на стадии обсуждения законопроекта: закон закрепляет за поисковиками не свойственные им функции судов или правоприменительных органов. Эта проблема особенно заметна при работе с обращениями об удалении ссылок на незаконную и недостоверную информацию.

При анализе пояснений Google столкнемся с чисто техническими особенностями устройства сети «Интернет» — даже написав требование удалить информацию из результатов поиска, нужно попросить об этом владельца сайта (веб-мастера). Даже если удалению подвергнется сайт или изображение из результатов Google поиска, этот контент останется в сети «Интернет» и ссылки на него могут быть размещены на других сайтах, в социальных сетях и поисковых системах.

Актуально и территориальное ограничение. Это означает, что, если вы, например, решите удалить ссылку на информацию через поисковую систему google.ru, то это ссылка останется в Google.com (информация остается в открытом доступе во всем мире).

Доступность материала по прямой ссылке. Сотрудники поисковых систем и IT-специалисты отмечают, что право на забвение выглядит как «проект людей, не знающих, как работает Интернет», ведь «поисковые системы не умеют идентифицировать пользователя» и «индексируют только общедоступную информацию». Следовательно, применение «права на забвение» не предполагает удаления информации с сайтов, а лишь только ссылки из поисковой выдачи.

Таким образом, судебная защита конституционного права на неприкосновенность частной жизни является наиболее предпочтительной.

Для того чтобы доказать юридический факт нарушения прав, лицо составляет на имя нотариуса запрос, в котором просит удостоверить факт нахождения спорной информации по определенному адресу в Интернете. В таком запросе обычно указываются: адрес страницы, конкретные спорные фразы или выражения, обосновывается цель обеспечения доказательств. Нотариус устанавливает местонахождение информации в Интернете, распечатывает ее на бумажном носителе, проверяет наличие запрашиваемой информации в распечатанном экземпляре. То есть он выполняет несколь-

ко нотариальных действий: получение доказательств и осмотр этих доказательств. Обычно, заверяя протокол осмотра страницы сайта, нотариус указывает, каким образом он получил доступ к информации, описывает последовательность своих действий. Заверенная распечатка документа выступает письменным доказательством, т. к. соответствует требованиям, предъявляемым к письменным доказательствам, исходя из положений ст. 71 ГПК РФ и ст. 75 АПК РФ. Необходимо отметить, что нотариус обеспечивает доказательства только по спору, находящемуся на досудебной стадии разбирательства (или до рассмотрения дела в административном порядке), в силу ст. 102 Основ законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462–1.

А. В. Савоськин
Уставный Суд Свердловской области,
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Развитие законодательства об электронных обращениях в Российской Федерации

Анализируются два этапа становления и развития законодательства о подаче обращений граждан посредством сети Интернет: признание электронных обращений в качестве равнозначных к традиционным письменным (2006–2010 гг.) и дальнейшее развитие законодательства об электронных обращениях (с 2010 г. — по настоящее время), связанное с появлением отдельных разновидностей электронных обращений граждан, а также способов их подачи.

Ключевые слова: право на обращение; электронное обращение; электронная почта; Интернет.

Развитие прогресса и прежде всего телекоммуникации поставило множество вопросов, связанных с правовым регулированием отношений, возникающих в сети Интернет, и институт обращений граждан не стал исключением. Вместе с тем имеющееся законодательство об обращениях, подаваемых посредством электронных средств связи, отстает от реалий эпохи, демонстрируя несовершенство и пробельность правового регулирования в этой сфере. Несмотря на крайнюю актуальность и востребованность информации об электронных способах подачи и рассмотрения обращений граждан, комплексные научные изыскания на эту тематику все еще отсутствуют, а имеющиеся публикации представлены только в периодических журналах и не отличаются глубиной проработки.

В развитии отечественного регулирования электронных обращений отчетливо прослеживается два этапа: первый — юридическое признание электронных обращений как равнозначных по отношению к традиционным письменным (2006–2010 гг.); второй — развитие законодательства об электронных обращениях, в том числе путем регламентации отдельных видов обращений, подаваемых исключительно посредством Интернета (с 2010 г. по настоящее время).

Впервые волеизъявления, выражаемые гражданами с помощью телекоммуникационных систем, были признаны разновидностью обращений при принятии Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Так, в ч. 3 ст. 8 было указано, что «обращение, поступившее в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу по информационным системам общего пользования, подлежит рассмотрению в порядке, установленном настоящим Федеральным законом». Никакой конкретизации этого положения, равно как и наименования разновидности таких обращений, законодатель не сформулировал, однако само упоминание электронных обращений в тексте закона стало отправной точкой в развитии законодательства о них. Федеральный законодатель приравнял электронные обращения к традиционным, но не раскрыл особенностей их подачи и рассмотрения. Можно сказать, что он лишь узаконил уже существующую практику направления обращений посредством сети Интернет, но оказался не готов к подробному их регулированию. Эта и некоторые иные проблемы породили необходимость дальнейшего совершенствования законодательства об электронных обращениях, поэтому с 2010 г. начинается качественно новый этап в развитии законодательства об обращениях, направляемых посредством сети Интернет, продолжающийся до сих пор.

В 2010 г. ч. 3 ст. 8 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» была существенно переработана[1] и дополнена термином «обращение в форме электронного документа», а п. 1 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ был дополнен частью второй, предусматривающей право лиц, участвующих в деле, «представлять в арбитражный суд документы

[1] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 227-ФЗ (ред. от 3 декабря 2012 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг“».

в электронном виде, заполнять формы документов, размещенных на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет»[1]. Отмечу, что ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» были установлены следующие реквизиты электронных обращений: «фамилия, имя, отчество (последнее — при наличии), адрес электронной почты, если ответ должен быть направлен в форме электронного документа, и почтовый адрес, если ответ должен быть направлен в письменной форме». Показательно, что, в отличие от привычных письменных обращений, в электронных обращениях *подпись и дата* не являются обязательными реквизитами. Это кардинально отличает подход отечественного законодателя от зарубежного, где отсутствие электронной цифровой подписи (ЭЦП) в электронном обращении гражданина — исключение из правила[2]. Причина такого подхода в исключительном (можно сказать избыточном) демократизме, который, реализуя положения ст. 2 и 18 Конституции РФ о приоритете прав и свобод человека, обязал должностных лиц рассматривать фактически неподписанные электронные обращения. Однако у такого сверх демократического подхода оказались свои пределы и обращения в судах РФ принимаются либо при наличии ЭЦП, либо при условии представления образцов документов, подтверждающих личность заявителей в специальных личных кабинетах, создаваемых на официальных сайтах (например, Личный кабинет пользователя на официальном сайте Конституционного Суда РФ в сети Интернет https://petition.ksrf.ru/).

Отсутствие подписи заявителя в числе обязательных реквизитов и особенности виртуальной коммуникации (когда в сети Интернет можно зарегистрироваться под любым именем) еще более обострили существующую проблему анонимности обращений, ведь, по меткому замечанию В. В. Комаровой, «…такое свойство сети Интернет, как анонимность, вполне может оказать деструктивное влияние на развитие демократических процессов» [1, с. 47].

Думается, что в России уже начали складываться предпосылки к устранению имеющей фактической анонимности электронных обращений. Первый пример того, как это может быть сделано эффективно и без избыточных усилий для граждан, продемонстрирован

---

[1] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».

[2] См., например, специальный алгоритм направления электронных обращений, не подписанных ЭЦП, в полицию Казахстана. URL: http://qamqor.gov.kz/EussWar.

Порталом государственных услуг — http://www.gosuslugi.ru/. Еще один интересный новейший пример демонстрирует Роспотребнадзор, а именно, с 1 января 2017 г. запретивший проводить проверки по электронным обращениям граждан, если они поданы без авторизации заявителя в единой системе идентификации и аутентификации[1]. Этот подход представляется очень интересным. Обращу внимание, что отсутствие подтвержденной идентификации заявителя не препятствует подаче обращения и его рассмотрению, однако его полезность для заявителя резко снижается, т. к. Роспотребнадзор не будет проводить проверок по факту обращения, а значит его ответ окажется, скорее всего, формальным и бесполезным. Таким образом создаются предпосылки стимулирования заявителей идентифицировать себя при подаче электронных обращений.

Вместе с тем новейшее законодательство об электронных обращениях развивается экстенсивно, путем регламентации отдельных видов электронных обращений и способов их подачи. Приведем лишь основные новеллы федерального законодательства. Во-первых, следует упомянуть поправки 2011 г.[2] к Федеральному закону «О предоставлении государственных муниципальных услуг», предусмотревшие создание Федеральной информационной системы досудебного (внесудебного) обжалования. Подзаконными актами к этому закону фактически введены *электронные досудебные (внесудебные) жалобы*. Во-вторых, следует назвать Указ Президента РФ, утвердивший правовой *институт общественной инициативы*, создавший особую электронную форму предложений, подаваемых исключительно на сайте «Российская общественная инициатива» — https://www.roi.ru[3]. В-третьих, Кодекс административного судопроизводства РФ предусматривает с сентября 2016 г. возможность подачи *всех* документов в суд в форме электронного документа[4].

---

[1] Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 277-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля“ и Федеральный закон „О стратегическом планировании в Российской Федерации“».

[2] Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 383-ФЗ (ред. от 24 ноября 2014 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[3] Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 (ред. от 23 июня 2014 г.) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса „Российская общественная инициатива“».

[4] Часть 2 и 3 ст. 45 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 19 июля 2018 г.).

В-четвертых, в последние годы во многих федеральных законах появились указания на возможность направления обращений в форме электронного документа, например п. 4 ст. 1 и п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и др.

Что касается способов подачи обращений посредством сети Интернет, то ни Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», ни иной федеральный закон их не устанавливают. Однако в современной практике таких способов существуют четыре. Первый и наиболее традиционный — направление обращения по электронной почте, второй — через электронную приемную официального сайта адресата в сети Интернет, третий — посредством специализированных государственных интернет-порталов; четвертый — с помощью специальных официальных приложений для мобильных телефонов [2].

Библиографический список

1. *Комарова В. В.* Электронная демократия — мифы и реальность // Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Сер.: Гуманитарно-общественные науки. 2016. № 3. С. 44–52.

2. *Савоськин А. В.* Специализированные официальные сайты в сети Интернет для подачи обращений граждан // Административное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 84–94.

И. В. Сошникова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Криминологический анализ преступлений в сфере компьютерной информации

Представлены результаты анализа преступлений в сфере компьютерной информации. Автором сделан вывод о том, что процесс информатизации общества через компьютеризацию приводит к увеличению количества компьютерных преступлений и, как следствие, к увеличению удельного веса в общей доле преступлений. Обоснован вывод о том, что профилактике преступности может способствовать повышение цифровой грамотности населения.

Ключевые слова: информационная безопасность; информационно-коммуникационные технологии; преступления в сфере компьютерной информации; динамика компьютерных преступлений; преступность.

Двадцать первый век по праву считается веком информационно-коммуникационных технологий. За последние несколько лет

человечество совершило феноменальный прорыв в развитии компьютерных технологий, которые стали неотъемлемой частью нашей повседневной реальности. Однако вместе с технологическим прогрессом растет и количество желающих использовать достижения науки и техники в корыстных целях. Таким образом, человечество столкнулось с новым видом преступности, а именно преступности в сфере компьютерной информации.

В связи с этим в уголовном законодательстве составы преступлений выделены в специальную главу «Преступления в сфере компьютерной информации». На данный момент, согласно Уголовному кодексу РФ, преступлениями в сфере компьютерной информации признаются:

– неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ);

– создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ);

– нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ);

– неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ).

Нами предпринята попытка сопоставительного анализа динамики изменения количества совершенных преступлений в сфере компьютерных технологий на основе данных, предоставляемых порталом правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. Для анализа нами были взяты периоды с января по март 2018 и 2019 г. Целью анализа являлось проследить динамику изменений совершения преступлений в сфере компьютерной информации по Российской Федерации и по Свердловской области и выявить сферы с наиболее часто совершаемыми преступлениями.

По данным статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, отмечается, что количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сфере компьютерной информации, в 2019 г. значительно возросло в сравнении с данными 2018 г.[1] Особое внимание заслуживает то обстоятельство, что наибольший прирост произошел по статьям, которые относятся к категории тяжких преступлений. Так, в 2018 г. было совершено 4757 тяжких преступлений, в то

[1] Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: crimestat.ru/analytics.

время как за этот же период 2019 г. было выявлено и расследовано 16 936 случаев данной категории преступлений, что составляет рост в 3,5 раза. В категории особо тяжких преступлений увеличение произошло на 1785 случаев, в то время как в категории средней тяжести увеличилось на 3271 преступление.

Рост преступности за рассматриваемый промежуток времени по Свердловской области также является значительным. Общее число преступлений в сфере компьютерной информации увеличилось в 2,2 раза: тяжких преступлений — в 3,5 раза, в категориях особо тяжких и средней тяжести изменения произошли в сторону увеличения в 1,6 и 2,5 раза соответственно[1].

Для получения более детальной информации нами были проанализированы статистические данные по группам преступлений, совершенных с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт, компьютерной техники, программных средств, фиктивных электронных платежей, сети Интернет, средств мобильной связи.

Так, по Российской Федерации уменьшилось количество фиктивных электронных платежей с 201 до 170 случаев, однако количество преступлений, связанных с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт, возросло в 2,8 раза. По остальным группам рост составил в 1,5–1,7 раза. Что касается Свердловской области, количество преступлений, совершенных с использованием или применением фиктивных электронных платежей, увеличилось с 1 до 14 случаев. По данным ГУ МВД по Свердловской области, наибольшее распространение получили преступления, связанные с совершением, использованием или применением расчетных (пластиковых) карт, — в 7,4 раза; компьютерной техники — 3,7 раза; сети Интернет — 1,8 раза; средств мобильной связи — 4,4 раза. Что во много раз превышает данные по России в целом. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2019 г. в целом по России снизилось количество преступлений по ст. 273 УК. Однако наблюдается рост неправомерного доступа к компьютерной информации. В Свердловской области в 2018 г. зафиксирован один случай создания, использования и распространения вредоносных программ, тогда как в 2019 г. зарегистрировано 7 таких случаев.

Но хотелось обратить внимание на следующие данные, согласно которым в 2019 г. значительно уменьшилось количество преступле-

[1] Информация о состоянии преступности в Свердловской области за 2018 г. URL: https://docviewer.yandex.ru.

ний, связанных с возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства посредством компьютерной информации. Так, в 2018 г. по ст. 280 УК «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» было совершено 78 преступлений, а в 2019 г. — 60; по ст. 280.1 УК «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» — 3, в 2019 г. — одно преступление; по ст. 282 УК «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» — 178, тогда как в 2019 г. — 5 преступлений.

Анализируя полученные статистические данные, мы пришли к выводу, что количество преступлений в сфере компьютерной информации растет. Группы преступлений, совершенных с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт, компьютерной техники, средств мобильной связи, показывают значительный рост. Возникает вопрос, в чем причина этого роста?

Результаты анализа более 61 млн паролей, полученные с помощью исследования, проведенного доктором Ганг Вангом, доцентом кафедры компьютерных наук в Технологическом институте Вирджинии, показали, что пользователи компьютерных сетей продолжают совершать одни и те же ошибки. Население использует для создания паролей названия популярных спортивных команд, брендов, фильмов и даже эмоциональные состояния. «Людям трудно запомнить уникальные пароли для более 150 учетных записей, которые есть у среднего человека», — сказал доктор Ван. — Люди неизбежно используют их повторно или немного видоизменяют, что является опасной практикой. Эта опасность усилилась из-за массовых взломов данных, которые дали злоумышленникам более эффективные инструменты для подбора и взлома паролей»[1]. Ученые выяснили, что пользователи сетей не утруждают себя в создании надежных паролей. Предпочитая удобство безопасности, население планеты создает пароли, содержащие комбинации букв, цифр и символов, которые расположены рядом на клавиатуре (1q2w3e4r). Такой подход стал характеризоваться как «Проход по паролю». Около 40 % пользователей выбирают одинаковые пароли доступа к своей конфиденциальной информации (для разных аккаунтов, электронной почты, социальных сетей, платежных систем). Большинство хакеров хорошо осведомлены о данной склонности человека [1]. Следова-

[1] Самые популярные пароли в России и в мире. URL: https://nastroisam.ru/samyie-populyarnyie-paroli.

тельно, они могут легко использовать эти распространенные пароли в своих целях. Данные, полученные на основе статистических исследований компаний SplashData, Yandex, Google и Mail.ru и результата анализа списка паролей для беспроводных сетей WiFi, показали, что русскоязычные пользователи России чаще всего создают пароли в виде русских слов, набранных транслитом (на русском языке, но на английской раскладке). Но не стоит забывать, что русскоговорящие злоумышленники прекрасно понимают менталитет пользователей и имеют достаточно объемный список распространенных паролей в России, в которые входят все имена и различные популярные слова, набранные в разных вариациях [2].

Рост преступности, связанной с использованием средств мобильной связи, также заставляет задуматься о неумении населения противостоять манипулятивным технологиям, применяемым мошенниками для получения собственной выгоды. Злоумышленники играют на эмоциях реципиента. Одни получают SMS с неожиданным выигрышем, другие — случайный перевод и им необходимо его вернуть, у третьих родственник попал в беду и ему нужна срочная помощь. Этот список можно продолжать бесконечно. Тем более что у жертвы нет времени подумать, поджимают временные ограничения и захватившие эмоции, а современные средства связи позволяют молниеносно совершать электронные платежи и денежные переводы. Желательно, чтобы граждане всегда отвечали на звонки своих родных и близких, чтобы успокоить их и объяснить, что ситуация под контролем и ничего плохого не происходит. Иначе близкие родственники, испытывая сильное волнение, могут поддаться на уговоры мошенников [3].

Таким образом, подводя итог, мы признаем тот факт, что количество преступлений в сфере компьютерной информации растет, способы совершения становятся все более изощренными. Отмечается значительное увеличение тяжких преступлений. Преступления, совершенные с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт, компьютерной техники, средств мобильной связи, не только увеличиваются в количестве, но и приобретают новые формы реализации. Следовательно, изучение вопроса о своевременном выявлении, раскрытии и предупреждении рассматриваемых преступлений в сфере компьютерной информации является чрезвычайно важным. На данный момент можно отметить, что злоумышленники пользуются компьютерной безграмотностью, доверчивостью, а порой и халатностью самих пользователей. Во многом

это происходит благодаря тому, что люди недооценивают опасность, исходящую от преступлений в сфере компьютерной информации, не осведомлены о возможных способах мошенничества в киберпространстве. Таким образом, наряду с совершенствованием правовой системы, необходимо повышать грамотность населения в целях предупреждения компьютерных преступлений.

Библиографический список

1. *Жмыхов А. А.* Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.
2. *Мельников В. П., Клейменов С. А., Петраков А. М.* Информационная безопасность и защита информации. М.: Академия, 2009.
3. *Теоретические* основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / под ред. Р. В. Жубрина. М.: Проспект, 2016.

Н. В. Тонки*х*

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Дистанционная женская занятость как объект правового регулирования[1]

Обобщены социально-экономические проблемы в сфере дистанционной женской занятости как объекта перспективной области правового регулирования. Выводы базируются на основе анкетирования женщин и контент-анализа удаленных (дистанционных) вакансий, размещенных на WEB-портале по поиску (подбору) работы (персонала).

Ключевые слова: дистанционная занятость; женская занятость; правовое регулирование занятости.

Цифровизацию можно определить как процесс внедрения и распространения IT-технологий в различные сферы социальных, экономических, организационных и иных отношений. В настоящее время особую актуальность приобретает тематика виртуализации, «переноса» офлайн-общения в онлайн-режимы. Возникает множество проблемных зон по поводу правового регулирования интернет-отношений как в частной жизни, так и в публичной сфере. Наш исследовательский интерес сфокусирован на дистанционном

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–010–00774 А «Исследование влияния развития дистанционной женской занятости на институт родительства».

формате социально-трудовых отношений между работодателями и женщинами-сотрудницами.

Дистанционная занятость стала объектом правового регулирования сравнительно недавно, в Трудовом кодексе Российской Федерации появилась отдельная глава, раскрывающая особенности регулирования труда дистанционных работников, и, на наш взгляд, требуется дальнейшая работа по совершенствованию правовых норм в данной области [6]. Подчеркнем, что дистанционные трудовые отношения — это достаточно новое для России явление. Активное распространение удаленной занятости на рынке труда в нашей стране началось только в начале 2000-х гг., гораздо позже, чем в США, Канаде и Европе [4; 8]. В ряде стран к настоящему времени уже сформирована достаточно адекватная информационно-статистическая и нормативная база регулирования дистанционной занятости, завершился первичный этап регулирования, прорабатываются более глубокие и частные аспекты. К примеру, исследуется проблема совмещения женской дистанционной занятости и родительского труда, эмпирически подтвержденного, что возможность работать дистанционно является фактором продолжения профессиональной карьеры для женщин [1].

В Российской Федерации официальная статистика дистанционной занятости отсутствует, данные Общероссийской базы вакансий «trudvsem.ru» не информативны. Масштабы распространения дистанционного формата трудовых отношений оцениваются экспертно: либо на основе данных социологических опросов, либо на основе баз данных организаций, специализирующихся в сфере IT и (или) рынка труда, таких как Битрикс24.ru, Фриланс.ru, HeadHunter.ru и др. [1; 5]. Открытых вопросов достаточно много. Достоверно неизвестно, соблюдаются ли социально-трудовые гарантии дистанционных работников, заложенные в трудовом законодательстве? Есть ли смысл выделять женскую дистанционную занятость в самостоятельный объект правового регулирования? Какие нормы трудового права в связи с гендерными проблемами нуждаются в корректировке? Следует ли стимулировать распространение дистанционной занятости в сегменте женщин, имеющих детей? Последнее актуально в свете наличия демографических ограничений в области реализации национальных проектов по повышению производительности труда и цифровизации [2; 3].

Нами предпринята попытка оценить масштабы применения женской дистанционной занятости с помощью двух методов. Во-

первых, проведено анкетирование женщин, обращавшихся в службы занятости населения на территории Свердловской области. Во-вторых, рассчитана доля удаленных вакансий в общем объеме рынка вакансий по регионам и в среднем по России. Анкетирование проводилось в 2018 г., анкета выдавалась женщинам при обращении к специалистам Службы занятости вместе с пакетом других стандартных документов, опрошено 10 % от генеральной совокупности (1922 чел.). Результаты обработки анкет показали, что опыт дистанционной работы имели 11,2 % респондентов, очень высок уровень потенциальной дистанционной занятости (33,8 % хотели бы работать дистанционно). От 16 до 27 % женщин однозначно считают, что дистанционный формат занятости улучшит качество их жизни, примерно такая же доля респондентов указала, что отдельные аспекты их жизни, скорее всего, улучшатся. Определить уровень дистанционной женской занятости не удалось, т. к. в исследовании принимали участие незанятые в настоящий момент женщины, занимающиеся поиском работы. Поэтому для оценки уровня дистанционной занятости был проведен контент-анализ опубликованных вакансий на информационном портале по подбору персонала/поиску работы HeadHunter.ru (hh.ru), проанализированы данные за месяц (с 25 декабря 2018 г. по 25 января 2019 г.). В среднем по России доля удаленных вакансий составила 4,3 %. Разброс по регионам большой: от 1,8 в Москве до 47,8 % в Республике Ингушетия. В Свердловской области показатель удаленной занятости составил 4,0 %.

Представленные данные позволяют нам сделать вывод о перспективной целесообразности рассмотрения женской дистанционной занятости в качестве самостоятельного объекта правового регулирования. Предварительно можно выделить следующие социально-экономические проблемы, которые, по всей видимости, потребуют разработки дополнительных инструментов правового регулирования. Сформулируем их в форме перечня предметных областей.

Специальные правовые нормы в сфере охраны труда дистанционно работающих женщин в связи с выполнением женщинами репродуктивных и материнских функций.

Поправки действующих в Службе занятости регламентов оказания государственной услуги по содействию трудоустройству женщин на рынке труда с учетом роста доли дистанционных вакансий.

Специальные меры для женщин, имеющих малолетних детей, в области профессиональной подготовки по дистанционным (удаленным) профессиям.

Специальное регулирование (ограничение) продолжительности рабочего времени для дистанционно работающих женщин, имеющих малолетних детей.

Разработку правовых инструментов для разрешения указанных социально-экономических проблем в сфере дистанционной женской занятости целесообразно начинать только после формирования и внедрения механизма сбора и анализа официальной статистической информации о дистанционной занятости в гендерном разрезе. В противном случае правовые нормы не будут адекватны реалиям удаленного рынка труда и потребностям цифровой экономики.

Библиографический список

1. *Камарова Т. А.* Дистанционная занятость: достоинства, недостатки и масштабы развития // Глобальный научный потенциал. 2018. № 5(86). С. 82–85.

2. *Кулькова И. А., Плутова М. И.* Изучение отношения учащихся девушек к дистанционной занятости и ее влияния на рождаемость // Фундаментальные исследования. 2018. № 11–2. С. 251–255.

3. *Мельникова А. С.* Занятость женщин: проблемы совмещения домашней и общественной работы // Человеческое развитие: вызовы и перспективы: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23 ноября 2018 г.). Екатеринбург: Образовательно-научный институт менеджмента, 2018. С. 41–46.

4. *Пеша А. В.* Гибкая занятость: современные исследования и мировые тенденции // Человеческое развитие: вызовы и перспективы: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23 ноября 2018 г.). Екатеринбург: Образовательно-научный институт менеджмента, 2018. С. 53–59.

5. *Тонких Н. В., Коропец О. А.* Дистанционная женская занятость: специфика, проблемы, критерии эффективности // Социодинамика. 2018. № 12. С. 63–77.

6. *Чудиновских М. В.* Регулирование дистанционного труда в условиях цифровой экономики // Достойный труд — основа стабильного общества: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–27 октября 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2018. С. 104–108.

7. *Chung H., van der Horst M.* Women's employment patterns after childbirth and the perceived access to and use of flexitime and teleworking // Human Relations. 2018. Vol. 71, no. 1. P. 47–72.

8. *Nilles J. M.* Making telecommuting happen: A guide for telemanagers and telecommuters. N. Y. Van: Nostrand Reinhold, 1994.

М. В. Чудиновских
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Правовые проблемы регулирования дистанционного труда[1]

Рассмотрены особенности правового регулирования труда дистанционных работников. На основании анализа российского законодательства, правоприменительной практики выделены проблемы регулирования дистанционного труда. С учетом опыта зарубежных стран предложены пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: правовое регулирование; дистанционный труд; охрана труда; цифровая экономика.

В условиях цифровой экономики все большее распространение получает дистанционный труд. Первые рабочие места создавались преимущественно в сферах, связанных с применением компьютерной техники, связи. По мнению американских исследователей, одной из причин распространения дистанционных форм занятости стала нехватка квалифицированных IT-специалистов в 90-е гг. [5]. Предоставление возможности работать удаленно позволило привлечь таких сотрудников и частично снять остроту проблемы дефицита кадров. В силу этого пионерами в дистанционной работе были мужчины. В дальнейшем наблюдается постепенный рост доли женщин в составе дистанционных работников и расширение сфер применения дистанционного труда. В настоящее время дистанционный труд активно используется в банковской сфере, торговле, образовании. В долгосрочной перспективе, в условиях цифровизации, она может составить более чем 40 % от всех занятых рабочих мест. Расширение сфер применения дистанционного труда привело к росту вовлеченности женщин.

Институт правового регулирования дистанционного труда является сравнительно новым, т. к. законодательные нормы внесены в Трудовой кодекс Российской Федерации в 2013 г. Наиболее существенная проблема связана с разграничением трудового договора с дистанционными работниками с договорами гражданско-правового характера. Анализ судебной практики показывает, что работодатели предпочитают заключать договоры подряда или договоры

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–010–00774 А «Исследование влияния развития дистанционной женской занятости на институт родительства».

возмездного оказания услуг. Тем самым работодатель минимизирует свои расходы и не предоставляет работникам важнейших социальных гарантий — например, оплачиваемый отпуск, пособие по временной нетрудоспособности. Работнику крайне трудно доказать, что отношения с работодателем являются трудовыми. В результате суды отказываются переквалифицировать договоры гражданско-правового характера и признавать договоры, заключенными по нормам гл. 49.1 ТК РФ (например, Апелляционное определение Самарского областного суда от 10 апреля 2018 г. по делу № 33–4290/2018). Фактически, нанимая дистанционного работника, большинство работодателей перекладывают на него расходы по оборудованию рабочего места, обеспечению связью, канцелярскими принадлежностями и т. д. Хотя законодательство европейских стран относит эти расходы к компетенции работодателя [4].

Статья 312.4 ТК РФ устанавливает, что рабочее время продляется на вечерние и ночные часы. Международные исследования в сфере дистанционного труда показывают, что нормальное рабочее время (с 9 до 18 ч) становится скорее исключением, чем правилом. Работники часто работают, даже если они больны или осуществляют уход за больными членами семьи. Таким образом нарушаются те достижения в сфере защиты прав работников, за которые так долго боролись в XX в. [1].

Отдельно следует остановиться на проблеме регулирования охраны труда дистанционных работников. В соответствии со ст. 312.3 ТК РФ работодатель несет только четыре обязанности в сфере охраны труда. Он обязан:

– ознакомить дистанционных работников с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и средствами, рекомендованными или предоставленными работодателем;

– осуществлять обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

– проводить расследование и учет несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

– выполнять предписания должностных лиц федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление федерального государственного надзора.

Другие обязанности работодателя по обеспечению охраны труда, перечисленные в ч. 2 ст. 212 ТК РФ, на дистанционных работников не распространяются, если иное не предусмотрено трудовым

договором о дистанционной работе. Столь лаконичное регулирование вопросов охраны труда влечет за собой целый ряд трудностей. Для дистанционного работника сложно доказать, что несчастный случай произошел во время работы. На дистанционных работников практически не распространяются традиционные гарантии, установленные ТК РФ (в части оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, соблюдения права на отдых и пр.). Согласно п. 3 ст. 3 426-ФЗ, специальная оценка условий труда в отношении дистанционных работников не проводится [3]. Можно сделать вывод о том, что контроль в сфере охраны труда дистанционных работников практически отсутствует.

Показательным является следующий пример из судебной практики. Дистанционные работники ООО «ЖелезоБетонСтройКаркас» (главный бухгалтер и юрисконсульт) допущены к работе без прохождения в установленном порядке обучения и проверки знаний требований охраны труда. Начальником отдела Государственной инспекции труда составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 5.27.1 КоАП Российской Федерации, наложен штраф 110 тыс. р. Суд вынес решение о том, что на работодателя не возложена обязанность обучения безопасным условиям и охране труда дистанционных работников и снизил штраф со 110 тыс. р. до 55 тыс. р., т. к. директор не являлся дистанционным работником[1].

Проведенный обзор показывает, что регулирование дистанционного труда осуществляется пока крайне фрагментарно, поверхностно и не способствует защите прав дистанционных работников. В целях разработки рекомендаций по совершенствованию действующего российского законодательства и практики его применения представляется необходимым изучать зарубежный опыт. В США, Великобритании, странах ЕС под эгидой органов государственной власти создаются специальные сайты по дистанционной работе [2]. На этих сайтах представлены законодательные акты и рекомендации для работников и работодателей. В развитых зарубежных странах накоплен больший опыт в сфере организации труда дистанционных работников, в качестве наиболее прогрессивных примеров можно привести:

– закрепление обязанности работодателя предоставить безопасное оборудование и эргономичное рабочее место;

[1] Постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 23 мая 2016 г. № 4А–565/2016.

– разработка чек-листов для работников для оценки безопасности своего рабочего места (электробезопасность, пожарная безопасность и т. д.);

– обеспечение работника средствами первой помощи (опыт Великобритании);

– использование технических средств контроля для соблюдения режима рабочего времени.

Таким образом, правовое регулирование дистанционного труда нуждается в критическом осмыслении и совершенствовании. Права дистанционных работников, которых в условиях цифровой экономики становится все больше, не должны ущемляться.

Библиографический список

1. *Васильева Ю. В., Шуралева С. В.* Дистанционная работа в России: вопросы правоприменения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 216–225.

2. *Дистанционная* женская занятость: специфика, проблемы и новые возможности / под ред. Н. В. Тонких. Екатеринбург: ЮНИКА, 2018.

3. *Тарасевич К. А.* О некоторых вопросах соблюдения прав работников в сфере охраны труда // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3(49). С. 169–174.

4. *Чудиновских М. В.* Регулирование дистанционного труда в странах Евразийского экономического союза // Евразийская адвокатура. 2018. № 4. С. 109–111.

5. *Ordioni N.* L'accroissement du télétravail en Europe: quelques hypotheses interprétatives [The take-up of telework in Europe: Some interpretative hypothesis] // Mondes en développement. 2000. Vol. 28, no. 111. P. 69–76.

Секция 3
Отраслевые и товарные рынки и развитие конкуренции в цифровой экономике

А.Л. Анисимов
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Предстоящие проблемы правового регулирования цифровой экономики Российской Федерации

Выделены основные проблемы организационно-правового характера, которые объективно возникнут вследствие реализации федеральных проектов, перечисленных в Паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Ключевые слова: цифровая экономика; национальный проект; национальная программа; организационно-правовые проблемы.

Развитая цифровая инфраструктура является фактором, обеспечивающим экономическое развитие государства. При этом рост количества преступлений в сфере информационных технологий объективно влечет за собой обеспечение устойчивого и безопасного функционирования российской цифровой экономики [1, с. 215]. С помощью национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагается создать в стране устойчивую и безопасную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру, которая будет доступна практически во всех сферах экономики; при этом акцент делается преимущественно на отечественное программное обеспечение.

Указанный национальный проект, по сути, представляет собой деятельность государства по нормативному регулированию цифровой среды; подготовке кадров, обеспечивающих цифровую экономику [4, с. 150]; дальнейшему развитию цифровых технологий, информационной инфраструктуры, информационной безопасности и цифрового государственного управления [2, с. 27]. Ключевые проблемы будут связаны с: созданием системы нормативно-правового регулирования цифровой экономики; созданием конкурентной информационной инфраструктуры отечественной разработки; подготовкой кадров необходимой для цифровой экономики квалификации; обеспечением информационной безопасности; созданием адекватных отечественных цифровых технологий; внедрением циф-

ровых технологий в государственном управлении [6, с. 5]; преобразованием экономики и социальной сферы; созданием эффективной системы финансирования; разработкой и внедрением политического механизма согласования политики стран ЕАЭС при совместной реализации программ и планов развития цифровой экономики [3, с. 8].

Анализ Паспорта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденного президиумом Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам, позволил автору выделить ряд ключевых организационно-правовых проблем, которые объективно придется решать при реализации указанной программы.

Направления минимизации рисков цифровизации при взаимодействии государств — членов ЕАЭС

Название федерального проекта из состава национальной программы	Область предстоящих организационно-правовых проблем
«Информационная инфраструктура»	Создание инфраструктуры передачи данных, сетей связи, внедрение соответствующих технологий и их правовое обеспечение
«Кадры для цифровой экономики»	Правовое обеспечение и регулирование системы подготовки кадров для цифровой экономики
«Информационная безопасность»	Правовое обеспечение и регулирование отечественных разработок в сфере информационной безопасности
«Цифровые технологии»	Правовое обеспечение и регулирование российских компаний, разрабатывающих продукты на базе сквозных цифровых технологий
«Цифровое государственное управление»	Разработка и внедрение правового и политического механизма согласованной политики государств — членов ЕАЭС при реализации программ и планов в области развития цифровой экономики

Из таблицы можно сделать вывод о том, что деятельность государства в сфере правового регулирования цифровой экономики объективно сталкивается с проблемами:

– нормативного регулирования цифровой среды;

– подготовки кадров необходимой квалификации;

– создания адекватных отечественных цифровых технологий;

– внедрения цифровых технологий в сфере государственного и муниципального управления;

– создания эффективной системы финансирования;

– разработки и внедрения механизма согласования соответствующей информационной политики стран ЕАЭС.

Автор считает необходимым отметить, что в процессе реализации федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» достигнут ряд положительных основных результатов, способствующих реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», а именно:

– наличие правовых условий, формирующих единую цифровую среду доверия;

– созданы правовые условия, обеспечивающие сбор, хранение и обработку данных;

– наличие нормативных правовых актов, обеспечивающих стимулирование и развитие цифровой экономики;

– имеется ясность в части комплексного развития системы законодательства в области регулирования цифровой экономики, а также сформирован механизм управления изменениями в сфере цифровой экономики.

Краткий анализ концептуальных нормативных актов Российской Федерации в сфере правового регулирования цифровой экономики позволяет сделать вывод о том, что в стране формируется и развивается необходимая нормативно-правовая база развития цифровой экономики, имеется понимание предстоящих сложностей и проблем в этой сфере [5, с. 60], в том числе организационного, правового, экономического, социального, политического и иного характера, путей их решения и ожидаемых результатов [7, с. 145].

Библиографический список

1. *Андиева Е.Ю., Фильчакова В.Д.* Цифровая экономика будущего, индустрия 4.0 // Прикладная математика и фундаментальная информатика. 2016. № 3. С. 214–218.

2. *Беликова К.М.* Особенности правового регулирования цифровой интеллектуальной экономики // Закон и право. 2018. № 8. С. 26–30.

3. *Вайпан В.А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.

4. *Василенко Н. В.* Цифровая экономика: концепции и реальность // Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: тр. VIII науч.-практ. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 17–22 мая 2017 г.) / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 147–151.

5. *Ивлиев Г. П.* Принцип добросовестности в деятельности Федеральной службы по интеллектуальной собственности // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 56–62.

6. *Инюшкин А. А.* Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7.

7. *Шатковская Т. В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г.* Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.

Н. С. Громова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Проблемы и перспективы взаимодействия публичного и частного права в процессе противодействия противоправной деятельности в Российской Федерации

Рассматриваются особенности взаимодействия публичного и частного права в процессе противодействия противоправной деятельности на примере специфики взаимодействия в интернет-пространстве. Отдельное внимание уделяется киберэкстремизму как противоправному явлению не только идеологического, но и экономического характера.

Ключевые слова: публичное право; частное право; интернет-общение; киберэкстремизм; противодействие.

Рассматривая концептуальные проблемы взаимодействия публичного и частного права в процессе правоприменительной деятельности, мы сталкиваемся с дуальностью существующего подхода.

С одной стороны, публичное и частное право выступают как две самостоятельные подсистемы, каждая из которых имеет в своей основе различные предметы, признаки, методы, что указывает на существование ряда принципиальных особенностей самих подсистем.

Во-первых, традиционно императивный метод публичного права был противопоставлен диспозитивному в частном праве, однако в условиях современного взаимодействия субъектов многие вопросы оказываются на стыке правовых подсистем. В частности, процессуальным отраслям свойственны элементы как диспозитивного, так и императивного методов.

Во-вторых, особого рассмотрения заслуживает проблема определения субъектного состава в публичном и частном праве. Двухсторонний и горизонтальный характер частноправовых отношений с признанным равноправием сторон не говорит о том, что отношения граждан между собой не могут затрагивать и государственные интересы.

В-третьих, нельзя не заметить и прямую противоположность целевых установок. Для частного права превалирующей является защита интересов лица, предполагающая восстановление его нарушенных прав. Для публичного — преобладает защита интересов всего общества в целом, и ответственность направлена в первую очередь на поддержание общественного правопорядка, что одновременно может быть причиной ограничения прав отдельных лиц.

Это свидетельствует о значимости так называемого «критерия интереса», постулированного еще римским юристом Ульпианом, что позволяет под влиянием современных тенденций в юридической науке говорить об условности деления права на частное и публичное в силу все большего количества точек соприкосновения государственных и частных «интересов». Так, с другой стороны, публичное и частное право, будучи самостоятельными подсистемами, выступают как взаимообусловленные грани права, формируя собирательную категорию, связанную не с формальным делением системного характера, а с содержательным, в основе чего лежит задача противодействия конкретной противоправной деятельности.

Современные трансформации переводят общественное и государственное взаимодействие субъектов в новый формат — опосредованный, когда участники отношений используют возможности удаленного общения. Под влиянием цифровизации преобразуются практически все процессы от межличностного общения до межгосударственного сотрудничества. Новый подход к использованию цифровых ресурсов в процессе взаимодействия предполагает и новый подход к контролю за этими процессами — комплексный. Обратимся к анализу взаимодействия публичного и частного права в процессе противодействия противоправной деятельности и рассмотрим наиболее насущный пример — противодействие экстремистской деятельности.

Экстремизм — это наиболее опасный вид противоправной деятельности, затрагивающей как интересы государства, так и отдельной личности, что априори предполагает необходимость ком-

плексного противодействия с актуализацией механизмов публично- и частноправового характера.

Долгое время в правовой науке экстремизм функционировал как правовая единица с затемненной семантикой, т. к. на основании Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» содержание понятия не имеет однородности: под данную квалификацию подпадают разноуровневые деяния, масштаб последствий которых разнится от общественных трансформаций до индивидуально ориентированных последствий.

Нельзя не заметить, что традиционно экстремизм интерпретировался как исключительно идеологическая категория, а экстремистская деятельность — как трансформация существующего правопорядка, изменение основ конституционного строя и иные, в первую очередь, публично-правовые «интересы». Однако в последние годы все чаще встает вопрос о коммерческой составляющей экстремизма. Многие действия экстремистов и «псевдоэкстремистов» преследуют совсем иную цель — получение личной прибыли (частноправовой интерес). Коммерциализация большинства сфер общественной жизни привела и к коммерциализации экстремизма. Особенно это касается интернет-взаимодействий. На современном этапе развития общественных отношений все больше коллаборационных процессов протекают именно в сфере интернет-пространства.

Экстремизм, как и большая часть современной противозаконной деятельности, стремится оккупировать интернет-пространство из-за высокого уровня латентности и анонимности. Сфера интернет-коммуникации представляется достаточно мало контролируемой в связи как с аморфной правовой базой, так и с низкой общественной культурой в вопросах использования возможностей удаленного общения. При этом цифровизация большинства процессов становится благодатной почвой для правонарушений.

В современной правовой науке приобретает популярность термин «киберэкстремизм», под которым понимается «форма экстремизма, использующая для пропаганды своей деятельности новейшие средства распространения информации, коммуникационные технологии и медианосители» [2]. Такие распространенные приемы маркетинга в социальных сетях, как таргетированная реклама, рассылки и мобильные приложения и пр., активно используются и экстремистскими организациями.

Содержательная бинарность формирует и экономическую: парадоксом выступает тот факт, что законодатель устанавливает ответственность за финансирование экстремистской деятельности, но на практике оказывается, что в последние годы чаще встречаются иные экономические процессы — «предпринимательская деятельность» в этой сфере, т. е. получение прибыли на экстремистской идеологии. Можно говорить о том, что экстремистская деятельность, подобно любой финансовой деятельности, характеризуется наличием двух видов экономических потоков: входящих и исходящих. Можно предполагать, что входящие связаны с публично-правовыми интересами (получение властных полномочий), исходящие же — с частноправовыми (получение прибыли конкретным лицом без учета общественных последствий).

Наблюдается и прямое взаимодействие двух подсистем в процессе противодействия экстремистской деятельности в РФ. Предметом правового регулирования публично-правовых вопросов выступают преимущественно неимущественные отношения. Однако законодательно устанавливается защита и частных интересов: ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму» предполагает возмещение физическим и юридическим лицам вреда, причиненного в результате террористического акта.

Несмотря на дополнения, вносимые в законодательство, полноценно регламентировать взаимодействие субъектов не представляется возможным в силу ряда объективных и субъективных причин. Как показывает практика, администрация социальных сервисов не всегда оказывается в состоянии оперативно отреагировать на появления киберэкстремистской угрозы: процесс официальной проверки содержания одного поста с привлечением экспертов занимает не менее месяца, а сам пост может быть убран через несколько часов и даже минут, уже распространившись в интернет-пространстве как вирус.

Важной проблемой становится разграничение сфер затрагиваемых интересов, когда речь идет о противодействии экстремизму: общение в Интернете, с одной стороны, относится к частной жизни; с другой — может угрожать общественной и государственной безопасности. Собственно прецедентом в этой сфере стали перипетии со ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», широкое толкование которой в совокупности с недостаточным пониманием законодателями и правоприменителями операционного смысла «лайков» и «репостов» в процессе интернет-общения привело к ряду инцидентов

с резонансными решениями. Однако не только эта тенденция стала актуальной — появился новый вид противоправной деятельности: после прецедентного решения в отношении курганского подростка злоумышленники стали «шантажировать» блогеров тем, что будут оставлять у них на страничках комментарии, содержащие «экстремистские» тексты или изображения. Можно утверждать, что подобные действия не продиктованы идеологическими предпосылками, а имеют исключительно частный экономический интерес. Это привело к процессу декриминализации ст. 282 УК РФ и появлению ст. 20.3.1. КоАП РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». То есть можно говорить о наглядном согласовании государственных и частных интересов при противодействии экстремизму.

Таким образом, норма права в силу общей направленности на поддержание баланса между публичными и частными интересами изначально является бинарной. Унификация и специализация в процессе правоприменения в любых отраслях обеих подсистем права (частного и публичного) обеспечивают сопоставимость разноуровневых норм, формируя баланс в правоотношениях. В процессе противодействия противоправной деятельности требуется более планомерно учитывать специфику отношений, становящихся объектом правового воздействия. В Интернете принципы взаимодействия во многом определяются законами общественно-правового поля, а не нормативно-директивными предписаниями. С учетом позиций В.Б. Панченко [3] и А.В. Малько [1], мы можем говорить о необходимости воплощения принципа бинарности юридического противодействия и юридического содействия как проявлений правового взаимодействия через соотнесенность правовых стимулов и правовых ограничений. Требуется взаимодействие различных общественных и государственных институтов по вопросам правового регулирования функционирования Интернета в рамках противодействия правонарушениям с учетом как государственных, так и частных интересов.

Библиографический список

1. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. М., 2004.

2. *Могилевцева О.С., Селеня Д.А.* Особенности профилактики киберэкстремизма в молодежной среде // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 12.

3. *Панченко В.Ю.* Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории // Lex Russica. Теория права. 2015. № 12. С. 30–42.

А. К. Измоденов, К. А. Сидорова
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Налог на имущество физических лиц и цифровизация экономики

Статья посвящена проблемам расчета налога на имущество физических лиц в условиях цифровизации экономических отношений, в ней также рассматривается возможность участия граждан в определении кадастровой стоимости объекта налогообложения при внедрении электронных сервисов.

Ключевые слова: налоги; электронные сервисы; налог на имущество физических лиц; объект налогообложения; кадастровая стоимость.

Налоги являются одним из государственных инструментов стимулирования экономического роста. Федеральная налоговая служба предоставляет разные электронные услуги налогоплательщикам. На сайте ФНС России работает уже более десятка электронных сервисов. Одни из них носят исключительно информационный характер, другие позволяют взаимодействовать с налоговыми органами, не выходя из дома, третьи — заплатить налоги [1, с. 347].

Электронные системы — это разновидность информационных услуг. Одним из сервисов является «личный кабинет налогоплательщика», который позволяет получать актуальную информацию об объектах имущества и транспортных средствах, о суммах, начисленных и уплаченных налоговых платежей, о наличии переплат, о задолженности по налогам перед бюджетом, а также предоставляет возможность увидеть налоговую базу объекта налогообложения [6, с. 21].

Налог на имущество физических лиц — это местный налог, который уплачивают физические лица — собственники имущества, признаваемого объектом налогообложения. Данный налог один из элементов экономической основы местного самоуправления [2, с. 51]. Расчет налога на имущество физических лиц на основе кадастровой оценки имущества является основным способом увеличения доходов местных бюджетов. Расширение финансовой самостоятельности муниципальных образований создает возможность реализации муниципальных программ [4, с. 263].

В то же время для граждан налогообложение имущества физических лиц имеет большое значение, т. к. от размера налога во многом будет зависеть сумма дохода, остающаяся в распоряжении физического лица после уплаты всех налогов [2, с. 51].

Сумма данного налога зависит от налоговой базы объекта налогообложения. С 1 января 2020 г. прекращается исчисление налога на имущество физических лиц, исходя из инвентаризационной стоимости, и начинается его исчисление, исходя из кадастровой стоимости на всей территории Российской Федерации. В некоторых регионах налог на имущество физических лиц уже начисляется исходя из кадастровой стоимости.

Государственная кадастровая оценка проводится по решению исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации или по решению органа местного самоуправления не чаще чем один раз в течение трех лет (в городах федерального значения не чаще чем один раз в течение двух лет) и не реже чем один раз в течение пяти лет с даты, по состоянию на которую была проведена государственная кадастровая оценка [3, с. 233]. Таким образом, каждые три года (5 лет) гражданам нужно быть готовым к повышению кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества. «Государственная кадастровая оценка проводится в отношении объектов недвижимости, учтенных в государственном кадастре недвижимости».

При определении кадастровой стоимости объекта оценки устанавливается рыночная стоимость методами массовой оценки или индивидуально для конкретного объекта недвижимости. При массовой оценке определяется стоимость при группировании объектов оценки, имеющих схожие характеристики, в рамках которого используются математические и иные методы моделирования стоимости на основе подходов к оценке. Использование метода массовой оценки предполагает проведение оценщиком сбора и анализа информации о рынке оценки объектов, ценообразующих факторов и их значений, рыночной информации, построение моделей оценки и их анализ, расчет кадастровой стоимости. Массовая оценка не позволяет учитывать индивидуальные особенности объектов недвижимости, поэтому рыночная стоимость, определенная методами массовой оценки, может отличаться от рыночной стоимости, определенной индивидуально для конкретного объекта недвижимости [5, с. 57].

В соответствии с п. 1 ст. 403 Налогового кодекса РФ, «налоговая база определяется в отношении каждого объекта налогообложения как его кадастровая стоимость, указанная в Едином государственном реестре недвижимости по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом».

Можно бесплатно ознакомиться с кадастровой стоимостью объекта недвижимости по его кадастровому номеру или адресу, обратившись к сервису «Публичная кадастровая карта» на официальном сайте Росреестра.

В случае несогласия с кадастровой оценкой собственник может обжаловать ее. Если при обжаловании кадастровой оценки возникают вопросы, то можно обратиться за помощью к юристу, он также может представлять интересы граждан в судебных инстанциях. Но государственная пошлина, стоимость услуг юриста и независимого оценщика не будут компенсированы при удовлетворении иска, результатом будет только установление справедливой цены и последующий корректный расчет налога.

На основании вышеизложенного можно выделить ряд проблем:

– нет ясности подходов, методов и моделей определения кадастровой стоимости, поэтому часто возникает недоверие собственников к результатам проведенной кадастровой оценки имущества, что приводит к росту дел, связанных с ее судебным оспариванием;

– неправильная оценка кадастровой стоимости имущества ведет к повышению налоговой нагрузки, а определение объекта налогообложения на основе оценки площади помещения не позволит соблюсти принцип социальной справедливости, поскольку она не будет учитывать качество жилого объекта. Наряду с этим следует подчеркнуть, что в стране до сих пор отсутствует открытая и понятная методика кадастровой оценки стоимости объекта недвижимости в целях налогообложения;

– налогоплательщик не имеет возможности участвовать при проведении государственной кадастровой оценки, что порождает его недоверие к государственному оценщику при установлении кадастровой цены.

Авторы вносят следующие предложения по совершенствованию механизма установления налога на имущество физических лиц:

1. Создание сервиса «личный кабинет» на официальном сайте Росреестра, что должно обеспечить возможность получения собственниками документов (уведомления о предстоящей кадастровой оценки имущества, отчет о результатах проведения кадастровой оценки и т. д.) от Росреестра по телекоммуникационным каналам с электронной подписью должностного лица по требованию граждан.

2. Обязательное извещение собственника недвижимости о проведении государственной кадастровой оценки и о ее результатах.

Это позволит собственнику представить необходимые документы для оценки в случае их необходимости и сообщить информацию, которая может существенно повлиять на кадастровую оценку объекта. Это также поможет при оценивании урегулировать вопросы обеих сторон и в дальнейшем избежать обжалования кадастровой оценки.

3. Предоставление возможности собственнику участвовать при проведении государственной кадастровой оценки. Это позволит дать возможность представить возражение (устное/письменное) в ходе процесса оценки, а не обжаловать после уже установленной кадастровой цены, а также сократить объем работы органа, занимающегося государственной кадастровой оценкой, т. к. уменьшится количество жалоб на некорректную государственную кадастровую оценку.

4. Создать сервис «калькулятор кадастровой стоимости имущества», в котором будут уточнены параметры и методы, применяемые при кадастровой оценке. Это позволит собственникам в любое время самостоятельно определить кадастровую стоимость имущества на текущее время.

Данные предложения авторов помогут более точно оценивать кадастровую стоимость, а в последующем и правильное начисление налога на имущество физических лиц с использованием возможностей информационных технологий.

Библиографический список

1. *Князева Е. Г.* Цифровая экономика: финансы и кредит // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. XII Междунар. конф. (Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. Ч. 2. С. 345–348.

2. *Кондраков Н. П., Кондраков И. Н.* Налоги и налогообложение в схемах и таблицах. М.: Проспект, 2013.

3. *Мезенин Н. А.* Налоговые риски и управление ими в коммерческих организациях // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 10(57). С. 232–234.

4. *Налоги* и налогообложение: учебник и практикум / Г. Б. Поляк и др.; под ред. Г. Б. Поляка. М.: Юрайт, 2015.

5. *Николаева З. В., Курдюмов А. В.* О вопросах аудиторской деятельности: сущность и принципы // Развитие аудита, бухгалтерского учета, государственного финансового контроля и надзора в Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5–6 октября 2017 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2018. С. 56–58.

6. *Юзвович Л. И., Шадурская М. М., Чечушкова О. Н.* Современные проблемы практики налогового консультирования в России // Управление риском. 2018. № 4(88). С. 18–23.

А. В. Курдюмов
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Цифровой контекст модели управления изменениями в АПК России: правовой аспект[1]

Раскрываются вопросы изменений экономико-правовых отношений в контексте цифровизации процессов как в национальной хозяйственной системе России в целом, так и в агропромышленном комплексе страны в частности. В результате анализа российской правовой системы в цифровой сфере констатируется низкая динамика разработки, принятия и внесения изменений в нормативно-правовые акты в связи перегруженностью нормотворческих инициатив и динамичными изменениями в сфере цифровой экономики.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс; цифровая экономика; правовая система; управление изменениями.

Существующая система управления агропромышленным комплексом России на всех уровнях сформировалась до перехода на цифровую экономику с внедрением информационно-коммуникационных технологий и интеллектуальных систем, когда не стояла задача управления цифровой экономикой с заданной скоростью и гибкостью управления [1].

Необходимость формирования научных подходов и возможности их использования в процессе обеспечения конкурентоспособности агропромышленного комплекса России обусловлена динамичными изменениями в сфере цифровой экономики и негативными последствиями внешних вызовов.

Лидерами роста доли цифровой экономики в ВВП стран большой двадцатки за период 2010–2016 гг. являются Великобритания с 8,3 до 12,4 %, Китай с 5,5 до 6,9 %, Индия с 4,1 до 5,6 %. Ожидается рост доли цифровой экономики в ВВП развитых стран к 2020 г. на 1,8 %, а ВВП развивающихся стран на 3,4 %.

Ключевой характеристикой уровня использования цифровых технологий в России являются динамика количества приобретен-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00886 «Комплексное экономико-правовое исследование повышения конкурентоспособности агропромышленного комплекса Российской Федерации в условиях развития и интеграции информационно-цифровых систем».

ных организациями новых технологий и программных средств. За 2010–2016 г. рост составил 67 % и динамика объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг за этот период возросла до 71 %.

В структуре приобретенных организациями новых технологий и программных средств в 2016 г. составили: производство пищевых продуктов (включая напитки) 63,7 % (739 ед.); растениеводство 5,3 % (62 ед.) и животноводство 31 % (358 ед.).

В структуре отгруженных инновационных товаров, работ, услуг в 2016 г. составили: производство пищевых продуктов (включая напитки) 91,4 % (228,81 млрд р.); растениеводство 2,6 % (6,54 млрд р.) и животноводство 6,0 % (14,94 млрд р.).

Информатизация агропромышленного комплекса на современном этапе развития общества заключается в применении инноваций, сопровождающихся высокоскоростным технологическим прогрессом.

Принимая во внимание скорость изменений экономических отношений в контексте цифровизации процессов, следует констатировать низкую динамику разработки, принятия и внесения изменений в нормативно-правовые акты в данной сфере. Ситуация с нестабильностью российской правовой системы нередко связана как с функционированием самого механизма, так и его перегруженностью нормотворческих инициатив и это без учета фактора качества принимаемых законов.

Несмотря на то, что идеология понятия «цифровая экономика» предложена американским ученым Николасом Негропонте еще в 1995 г.[1] и в зарубежной и отечественной научной литературе существует множество трактовок данного определения, приходится констатировать отсутствие унификации в юридической терминологии данного понятия для понимания всех участников правовых отношений [2; 3].

В перечне поручений В.В. Путина по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. Правительству Российской Федерации сформулировано задание по разработке программы «Цифровая экономика» в срок до 1 июня 2017 г., что стало отправной точкой развития информационного общества.

[1] Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин // РИА Новости. URL: https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р утверждена Программа «Цифровая экономика», в которой определены основные меры государственной политики по созданию правовых, технических, организационных и финансовых условий для развития в России цифровой экономики. В документе сделан акцент на данные в цифровом виде и их роль как главного фактора производства во всех сферах социально-экономической деятельности.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» стал следующим шагом в разработке национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой поставлены задачи Правительству Российской Федерации по обеспечению достижения национальных целей по ускоренному внедрению цифровых технологий в экономику.

Минкомсвязи России во исполнение данного Указа, предусмотрев меры по созданию условий для развития цифровой экономики, разработало Паспорт национальной программы «Цифровая экономика», содержащий ряд проектов федерального уровня цифровой сферы по вопросам нормативного регулирования и государственного управления, инфраструктуры и технологий, кадрового обеспечения и безопасности. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика» утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г.

В настоящее время по принятым решениям на государственном уровне практические действия направлены в первую очередь на цифровую трансформацию государственных услуг.

В то же время, осознавая роль законодателей, уделяется особое внимание созданию правовых условий для развития в России цифровой экономики и ее интеграции в пространство цифровой экономики в мире. Так, на заседании Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28 мая 2019 г. Председателем Правительства Российской Федерации даны поручения провести анализ законодательства России в области информационно-коммуникационных технологий на предмет полноты и достаточности норм в срок до 1 августа 2019 г. Важно отметить участие субъектов Российской

Федерации с имеющимися в регионах лучшими практиками, а также предложено тиражирование прикладных программных решений.

В сложившейся системе управления агропромышленным комплексом России основными инструментами выступают нормативно-правовые акты и контрольно-надзорная деятельность регулятора.

Традиционно регулятор использует нормативно-правовые акты как инструмент для «жесткого», с уменьшением самостоятельности, и «мягкого» регулирования, с пояснением и толкованием требований всем участникам отношений. Однако эксперты отмечают современную тенденцию возрастающей роли «закона» и снижение готовности регулятора к реальному диалогу, в том числе, на публичных мероприятиях в целях разъяснения требований нормативно-правовых актов участникам рынка.

На текущее время к разработанным и принятым нормативным правовым актам, регулирующим деятельность АПК России в условиях цифровой экономики, следует отнести: Закон о создании федерального фонда данных дистанционного зондирования Земли из космоса; Закон о единой системе маркировки товаров; Закон о легализации самозанятых с помощью мобильного приложения; Закон о сдаче бухгалтерской отчетности через «одно окно»; утвержден перечень групп товаров (табачная продукция), подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации.

Формирование «интеллектуального» АПК России с цифровой агрокультурой позволит значительно повысить эффективность отрасли и справиться с существующими и перспективными угрозами продовольственной безопасности. Добиться данных результатов невозможно без государственного регулирования с созданием нормативно-правовой базы в цифровой сфере.

Библиографический список

1. *Алтухов А.И., Семин А.Н., Семенова Е.И., Кислицкий М.М., Бородкин А.Е.* Агропродовольственный сектор России в условиях «больших вызовов»: проблемы, риски, новые возможности. М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019.

2. *Васильева Е.Ю.* Нормативно-правовые документы цифровой экономики // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам XXIII междунар. науч.-практ. конф. № 2(23). М.: Изд-во «МЦНО», 2019. С. 50–54.

3. *Калужский М.Л.* Электронная коммерция: маркетинговые сети и инфраструктура рынка. М.: Экономика, 2014.

А. В. Курдюмов, Д. В. Шалабодов
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Противодействие картелям и иным антиконкурентным соглашениям на товарных рынках и на торгах: информационно-правовой аспект

Раскрываются вопросы противодействия созданию и реализации картелей и иных антиконкурентных соглашений в Российской Федерации. Проанализированы в целом государственная политика в области совершенствования антимонопольного регулирования и наметившийся вектор противодействия картельным проявлениям на товарных рынках и торгах.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование; картель; антиконкурентное соглашение; ФАС.

Необходимость формирования научных подходов и возможности их использования в оценке формирования картельных и иных антиконкурентных соглашений обусловлена негативными последствиями картелизации экономики страны.

Выявление картельных и иных антиконкурентных соглашений, а также пресечение деятельности хозяйствующих субъектов, вступивших в антиконкурентный сговор, является важной задачей любого государства [1].

В Российской Федерации борьба с картелями — это приоритетное направление российской антимонопольной политики.

В настоящее время в России основополагающим нормативным правовым актом в сфере антимонопольного законодательства по деятельности картелей и иным антиконкурентным соглашениям является Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», в котором данному вопросу посвящены ст. 11, 16 и п. 1 ч. 1 ст. 17.

Первоначально в ст. 11 Закона о защите конкуренции в качестве основной категории рассматривались согласованные действия, ограничивающие конкуренцию. Однако учеными указывалось несамостоятельное значение соглашений: «В частном случае согласованные действия могут являться следствием реализации их участниками соглашения, которое само по себе не подпадает под запрет как ограничивающее конкуренцию, однако обеспечивает все необходимые условия для согласования действий участников соглашения, результатом которых уже становится ограничение конкуренции. Соглашения такого рода могут устанавливать обязан-

ность регулярного информационного обмена между хозяйствующими субъектами, обязанность придерживаться стандартов деловой практики, установленных какой-либо отраслевой ассоциацией (союзом), что в совокупности создает достаточные условия для согласования рыночного поведения» [2].

С 6 января 2012 г. в результате принятия Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» четко разграничиваются соглашения хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию (ст. 11 Закона о защите конкуренции), и согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию (ст. 11.1 Закона о защите конкуренции).

Кроме того, с 6 января 2012 г. в диспозиции ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции содержится в качестве квалифицирующего признака указание на то, что картели могут быть заключены только между хозяйствующими субъектами-конкурентами (т. е. между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке). При толковании предыдущей редакции этой нормы судебная практика исходила из того, что «частью 1 статьи 11 Федерального закона „О защите конкуренции“ устанавливается запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения или согласованные действия хозяйствующих субъектов. При этом в данной статье отсутствует специальная оговорка о том, что ее действие распространяется только на соглашения хозяйствующих субъектов, действующих на одном товарном рынке» (Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2012 г. по делу № А57–8921/2012 по заявлению о признании незаконным Решения Саратовского УФАС России от 12 января 2012 г. № 6–11/03).

Таким образом, оправданным представляется анализ практики применения ст. 11 Закона о защите конкуренции именно с 2012 г., поскольку этот анализ является актуальным применительно к действующему законодательству.

Далее рассмотрим принятые решения территориальных антимонопольных органов в рамках объекта исследования. Согласно ст. 44 Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган принимает процессуальные акты: решения о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства или решения об отказе

в возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства.

В юридической практике антимонопольные органы принимают различные ненормативные правовые акты по поводу нарушения ст. 11 Закона о защите конкуренции [3].

В соответствии с п. 1 ст. 41 Закона о защите конкуренции Комиссия по рассмотрению дел о нарушении антимонопольного законодательства (далее — Комиссия) принимает акты по существу дела: заключения об обстоятельствах дела, предупреждения, определения, решения, предписания.

В рамках производства по делу об административном правонарушении по ст. 14.32 КоАП РФ должностные лица антимонопольных органов принимают постановления о назначении административного наказания за нарушение антимонопольного законодательства.

В целях анализа ненормативных правовых актов антимонопольных органов по антиконкурентным соглашениям основным актом является решение Комиссии по делу о нарушении ст. 11 Закона о защите конкуренции. Этим актом устанавливается факт наличия или отсутствия нарушения антимонопольного законодательства. Решение может выноситься по факту выявления множества эпизодов (так, по одному из дел Комиссией Тюменского УФАС России от 21 февраля 2017 г. по делу № К16/65–11 (решение подтверждено судами — см. Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 304–КГ18–9967 по делу № А70–6235/2017) в совокупности выявлено 131 электронный аукцион, проведенный в 2013–2015 гг., с признаками антиконкурентного соглашения — картеля, целью которого являлось поддержание цен на торгах). Остальные ненормативные правовые акты, принимаемые по делу, производны от данного решения, в том числе постановление о назначении административного наказания.

Опираясь на одно решение, могут быть вынесены шесть и более постановлений о привлечении к административной ответственности, по числу участников антиконкурентных соглашений (см., например, Решение Коми УФАС России от 19 января 2016 г. по делу № 02–01/329 и вынесенные в связи с ним: Постановление Коми УФАС России от 27 декабря 2016 г. по делу № 02–06/12752; Постановление Коми УФАС России от 27 декабря 2016 г. по делу № 02–06/12746; Постановление Коми УФАС России от 27 декабря 2016 г. по делу № 02–06/12754; Постановление Коми УФАС России от 27 декабря 2016 г. по делу № 02–06/12750; Постановление Коми УФАС

России от 27 декабря 2016 г. по делу № 02–06/12748; Постановление Коми УФАС России от 27 декабря 2016 г. по делу № 02–06/12661). Всего же, как показывает соотношение количества решений по делу о нарушении ст. 11 Закона о защите конкуренции с количеством постановлений о наложении административного штрафа, по каждому факту выявленного антиконкурентного соглашения привлекается к ответственности от 2,5 (в 2017 г.) до 5,4 субъектов (в 2014 г.).

Так, например, согласно Постановлению ФАС Дальневосточного округа от 15 апреля 2014 г. № Ф03–992/2014 по делу № А59–3022/2013, судебная практика указывает, что, поскольку постановление о назначении административного наказания по ст. 14.32 КоАП РФ вынесено на основании решения антимонопольного органа о нарушении ст. 11 Закона о защите конкуренции, законность которого подтверждена вступившим в законную силу судебным актом, имеющим преюдициальное значение при рассмотрении дела об обжаловании постановления о назначении административного наказания, суды исходят из того, что обстоятельства антимонопольного нарушения не доказываются в рамках данного дела.

Имеются отдельные случаи, когда решение Комиссии признавалось законным, однако постановление о назначении административного наказания отменялось в связи с особыми условиями привлечения к административной ответственности. Так, по факту раскрытия «колбасного картеля» было принято решение ФАС России от 10 мая 2012 г. № АЦ/14399 по делу № 1 11/143–11. Данное решение, установившее факт нарушения п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, было подтверждено судами (Дело № А40–94793/12–93–935). Указание на номер дела является, если не оговорено иное, указанием на все судебные акты, принятые по данному делу. Например, для Дела № А40–94793/12–93–935 это следующие судебные акты: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 декабря 2012 г. по делу № А40–94793/12–93–935; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2013 г. № 09АП–4664/2013; Постановление ФАС Московского округа от 23 июля 2013 г. по делу № А40–94793/12–93–935; Определение ВАС РФ от 8 ноября 2013 г. № ВАС–15282/13; Определение ВАС РФ от 20 ноября 2013 г. № 15282/13. Было подтверждено судами и большинство постановлений о назначении административного наказания участника картеля (дело № А12–8655/2013, дело № А40–94793/12–93–935, дело № А40–34923/13 и др.). Однако в отношении одного участника картеля — ОАО «Сафоновомясопродукт» — По-

становление ФАС России от 4 марта 2013 г. по делу № 1 14.32/351–12 о назначении административного наказания было признано незаконным в связи с пропуском срока привлечения участника картеля к административной ответственности.

Такая же ситуация сложилась с решением Астраханского УФАС России от 26 июня 2012 г. по делу № 43–К-05–11 и его же постановлением № 34–АД(К)-05–12 от 14 мая 2013 г. (дело № 40–87183/13). Зафиксирован случай освобождения участника соглашения от административной ответственности в связи с нарушением процедуры составления протокола (дело № А59–3023/2013 о признании незаконным постановления УФАС по Сахалинской области от 9 июля 2013 г. № 103).

Имеются также случаи снижения судами размера штрафов в связи с наличием смягчающих обстоятельств (дело № А71–3596/2013, № А59–3022/2013). Во всех указанных случаях законность решений о нарушении ст. 11 Закона о защите конкуренции была подтверждена судами.

Таким образом, юридически именно решения антимонопольных органов по делам о нарушении ст. 11 Закона о защите конкуренции являются актами, устанавливающими факт наличия антиконкурентного соглашения и содержащими полную информацию, используемую впоследствии при установлении состава правонарушения.

Результаты данного исследования создадут концептуальную научную основу для дальнейших специальных исследований в области противодействия картелям и иным антиконкурентным соглашениям в рамках отраслевых юридических и экономических наук.

Библиографический список

1. *Береснева И. С., Шалабодов Д. В.* Правовая платформа контрактной системы в Свердловской области // Наука и бизнес: условия взаимодействия индустриального партнерства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Тагил, 27 апреля 2017 г.). Екатеринбург: АМБ, 2017. С. 32–38.

2. *Королев А. Н., Плешакова О. В.* Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2007.

3. *Шалабодов Д. В., Веретенников И. В.* Полномочия антимонопольных органов при рассмотрении дел о нарушении порядка ценообразования в электроэнергетике // Судебная практика в Западной Сибири. 2014. Т. 3. С. 12–14.

Т. А. Ставрова
Управление Федерального казначейства
по Свердловской области, Екатеринбург

Казначейство России: взаимодействие с гражданским обществом

Статья посвящена вопросам взаимодействия Казначейства России с гражданским обществом в контексте обеспечения прозрачности и доступности информации о деятельности государственных органов, а также роли данного взаимодействия с точки зрения процесса управления казначейскими рисками.

Ключевые слова: Казначейство России; информирование общества; обеспечение открытости деятельности; единое информационное пространство; управление рисками.

Исходя из основ конституционного строя Российской Федерации, сущность государства заключается в осуществлении деятельности в интересах общества. Поэтому тематика отношений между органами власти и гражданским обществом не нова и всегда актуальна.

Федеральное казначейство — Казначейство России, являясь органом исполнительной власти, реализует свои полномочия в интересах общества на протяжении уже более 25 лет.

Ключевым в миссии Казначейства России является служение государству Российскому[1], а значит — его обществу. Безусловно, общество должно быть информированным в соответствующем правовом поле.

Конституцией Российской Федерации определено, в том числе, право граждан свободно получать информацию любым законным способом. Открытость органов власти в части общественно значимой информации также позволяет реализовать данное право [1].

Основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим взаимодействие Казначейства России с гражданским обществом, является Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», а также ряд нормативных правовых актов, изданных во исполнение данного Федерального закона. Концепция открытости федеральных органов

[1] Роль, видение, миссия и ценности // Официальный сайт Казначейства России. URL: http://www.roskazna.ru/o-kaznachejstve/missiya-i-tsennosti.

исполнительной власти утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 г. № 93-р.

В целях информирования общества об осуществляемой деятельности в рамках соответствующих полномочий, а также получения обратной информации, используемой при управлении рисками, Федеральное казначейство и его территориальные органы используют различные возможности. Взаимодействие осуществляется посредством активного применения информационных и телекоммуникационных технологий (размещение информации на официальных интернет-сайтах, обеспечение технической возможности направления гражданами и организациями обращений через официальные интернет-сайты, обеспечение наполнения государственных информационных систем и т. д.), а также непосредственно (обеспечение приема граждан в ежегодный всероссийский день приема граждан, взаимодействие с референтными группами в ходе выполнения функций по направлениям деятельности, участие в различного рода публичных мероприятиях и т. д.) [2]. На некоторых из этих возможностей остановимся далее.

1. Использование возможностей официальных интернет-сайтов.

Работа по созданию интернет-сайтов в органах Федерального казначейства началась в 2006 г. Во исполнение Решения Коллегии Федерального казначейства 5 апреля 2006 г. «Об итогах работы Федерального казначейства в 2005 г. и основных задачах на 2006 год» были изданы приказы территориальных органов Федерального казначейства об утверждении Порядка организации информационной и технической поддержки интернет-сайтов. С 2017 г. эксплуатируется третья версия интернет-сайта Казначейства России и его территориальных органов [3].

Руководствуясь требованиями Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», органы Федерального казначейства размещают на официальных интернет-сайтах достаточно широкий спектр информации, содержащей как общую информацию о структуре, так и блоки информации по функциональным направлениям деятельности.

Актуальная на сегодняшний день версия официального интернет-сайта органа Федерального казначейства включает в себя ряд информационных разделов, наполняемых с установленной периодичностью либо по мере наличия (поступления) той или иной ин-

формации. Доступ к информации, размещаемой в данных разделах, является открытым.

Перечень публикуемой на официальных интернет-сайтах органов Федерального казначейства информации, применительно к осуществляемым ими направлениям деятельности, определен соответствующими нормативными правовыми актами Российской Федерации, включая ведомственные.

Государственной программой Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 31 марта 2017 г.), предусмотрено обеспечение доступности информационной и телекоммуникационной инфраструктуры для граждан, взаимодействие государства и граждан преимущественно на основе применения информационных и телекоммуникационных технологий.

2. Обеспечение наполнения государственных информационных систем.

Задача по формированию единого информационного пространства финансовой деятельности публично-правовых образований Российской Федерации, обеспечению прозрачности и доступности информации о государственном секторе и общественных финансах, в том числе посредством развития информационных технологий, является составляющей частью Стратегической карты Казначейства России. Количество государственных информационных систем, оператором которых сегодня является Федеральное казначейство, и автоматизированных информационных систем Федерального казначейства составляет более 20. В частности, Федеральное казначейство является оператором таких государственных информационных систем (подсистем), целью которых является повышение качества оказываемых гражданам услуг через обеспечение открытости и доступности информации о деятельности государственных органов, как:

Государственная информационная система Официальный сайт Российской Федерации в сети «Интернет» для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях (ГИС ГМУ);

Государственная информационная система Общероссийского официального сайта Российской Федерации в сети «Интернет» для размещения информации о размещении заказов (ГИС ООС);

Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП);

Государственная информационная система «Электронный бюджет» (перечень подсистем, оператором которых является Федеральное казначейство, утвержден приказом Министерства финансов Российской Федерации от 7 июля 2016 г. № 110н);

Государственная автоматизированная информационная система «Управление» (Федеральное казначейство является оператором системы «Управление», за исключением центральной информационной подсистемы «Контур»).

3. Функционирование коллегиальных и совещательных органов.

При Федеральном казначействе функционируют ряд коллегиальных и совещательных органов, в частности Общественный совет, Совет по организации внешнего контроля качества работы аудиторских организаций, Совет по вопросам внутреннего государственного финансового контроля, участниками которых на постоянной основе являются представители «внешней среды».

Общественный совет — постоянно действующий совещательно-консультативный орган общественного контроля, задачей которого является содействие Федеральному казначейству в обеспечении защиты и согласования интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, организаций, органов государственной власти для решения вопросов в сфере деятельности Федерального казначейства[1].

В целях повышения эффективности осуществления внешнего контроля качества работы аудиторских организаций, выработки предложений по совершенствованию нормативных правовых актов, а также повышения информированности общественности по направлению деятельности внешнего контроля качества работы аудиторских организаций создан и ведет работу Совет по организации внешнего контроля качества работы аудиторских организаций. Основными задачами Совета являются подготовка предложений по принятию решений в сфере аудиторской деятельности, направленных на совершенствование внешнего контроля качества работы аудиторских организаций, а также предложений по установлению взаимодействия между Федеральным казначейством, саморегулируемыми организациями аудиторов и другими заинтересованными

[1] Общественный совет // Официальный сайт Казначейства России. URL: http://www.roskazna.ru/o-kaznachejstve/kollegialnye-i-soveshhatelnye-organy/obshchestvennyy-sovet.

органами и организациями. На заседаниях Совета рассматриваются актуальные вопросы осуществления внешнего контроля качества работы аудиторских организаций, в том числе эффективности его осуществления, и реализации требований нормативных правовых актов, регулирующих аудиторскую деятельность[1].

Совет по вопросам внутреннего государственного финансового контроля создан в целях совершенствования нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам внутреннего государственного финансового контроля[2].

Соответствующие возможности призваны способствовать реализации в Федеральном казначействе принципов информационной открытости, понятности и вовлечения общества (референтных групп) в работу Федерального казначейства.

В настоящее время в Федеральном казначействе ведется работа по повышению уровня открытости и доступности деятельности ведомства для граждан. В рамках достижения указанной цели внедряется система принципов, механизмов и инструментов организации государственного управления на основе развития форм участия граждан в управлении, обеспечении прозрачности и подотчетности деятельности. Для взаимодействия с гражданами широко используются современные информационные технологии и новые средства коммуникации.

В целях повышения транспарентности Федеральное казначейство разработало необходимые документы, составило краткосрочные и долгосрочные планы, исполнение которых поможет вывести открытость деятельности ведомства на качественно новый уровень[3].

Говоря о взаимодействии Федерального казначейства с внешней средой, о роли в обеспечении информирования заинтересованных пользователей о соответствующих областях деятельности, необходимо отметить и роль обратной связи с гражданским обществом.

---

[1] Совет по организации внешнего контроля качества работы аудиторских организаций // Официальный сайт Казначейства России. URL: http://www.roskazna.ru/kontrol/vneshniy-kontrol-kachestva-raboty-auditorskikh-organizatsiy/sovet-po-organizatsii-vneshnego-kontrolya-kachestva-raboty-auditorskih-organizatsiy.

[2] Совет по вопросам внутреннего государственного финансового контроля // Официальный сайт Казначейства России. URL: http://www.roskazna.ru/kontrol/sovet-po-voprosam-vnutrennego-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya.

[3] Открытое правительство. Обращение руководителя Федерального казначейства Р.Е. Артюхина // Официальный сайт Казначейства России. URL: http://www.roskazna.ru/inaya-deyatelnost/otkrytoe-pravitelstvo.

Оценить деятельность органов Федерального казначейства заинтересованными лицами возможно различными способами, а именно: заполнение соответствующих анкет, как размещенных на их официальных сайтах, так и полученных в ходе мероприятий, организуемых соответствующими органами; диалог в ходе совместных мероприятий; рассмотрение обращений граждан и организаций позволяет диагностировать наличие тех или иных проблемных вопросов взаимодействия либо реализации казначейского функционала; пожелания и предложения в части повышения качества взаимодействия носят характер, порождающий совершенствование деятельности.

Безусловно, процесс создания единого информационного пространства с точки зрения участия в нем государственных органов, является длительным, сопровождающимся множеством сопутствующих реализации проблем. Однако современный практический инструментарий взаимодействия государства и общества, применяемый Казначейством России, уже сегодня является достаточно емким и прогрессивным, при этом может рассматриваться и как элемент управления казначейскими рисками. Накопленные за годы развития Федерального казначейства компетенции позволяют данной структуре успешно решать новые задачи, являя собой яркий пример ее развития и совершенствования.

Библиографический список

1. *Измоденов А. К.* Стандартизация деятельности контрольно-счетных органов // Вестник АКСОР. 2013. № 4(28). С. 44–50.

2. *Кулькова И. А., Шарин В. М.* Особенности формирования миссии и имиджа субъектами внешнего государственного и муниципального финансового контроля // Вопросы управления. 2017. № 5(48). С. 77–84.

3. *Шайбакова Л. Ф., Шалабодов Д. В., Блинова Т. М.* Формы и способы защиты прав и законных интересов участников конкурентных отношений // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 марта 2017 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. С. 164–167.

Л. М. Чуркина
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Право в условиях цифровой реальности

Статья посвящена проблеме развития правового регулирования существующих и возникающих общественных отношений в процессе цифровизации. На основе проведенного анализа автор делает вывод о необходимости проведения научных исследований относительно совершенствования правовых инструментов.

Ключевые слова: цифровизация; правовое регулирование; цифровые лица.

В последние годы происходит глобальный процесс оцифрования огромного объема информации. Однако человечество пошло дальше. Ученые пытаются создать искусственный интеллект, который сможет обладать теми же свойствами, что и человек. Но заменить человека возможно не во всех сферах, в частности в юридической деятельности. Поэтому право не может быть объектом цифровизации.

Тем не менее праву отводится важная роль в развитии цифровой экономики. Правовое регулирование данной сферы осуществляется традиционными правовыми инструментами: нормативно-правовыми актами, правовыми режимами, юридической ответственностью.

В соответствии с Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2019 г. № 195-р, предусмотрены новые юридические технологии, в частности, цифровая фиксация отдельных юридических фактов, например электронная форма трудового договора[1].

Правовое обеспечение развития цифровой экономики в России планируется осуществить путем совершенствования правового регулирования. Соответственно, будут внесены изменения в нормативные акты гражданского, трудового, административного, уголовного и многих других отраслей права, регулирующих общественные отношения в сфере медицины, информации и информатизации.

В настоящее время уже действует ряд международных договоров и нормативных правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих информатизацию и развитие информационных технологий. В частности, речь идет об Окинавской Хартии гло-

[1] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

бального информационного общества[1], Договоре о Евразийском экономическом союзе[2], Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и защите информации»[3], Федеральном законе «О национальной платежной системе»[4], Указе Президента Российской Федерации «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[5].

Цифровизация приводит к появлению новых общественных отношений, которые ранее не существовали. Так, например, новые общественные отношения возникают между виртуальными или «цифровыми» лицами. Появляются «цифровые» права, такие как право на доступ в Интернет, право на «цифровую смерть» и т. д.

Не менее интересными и сложными являются отношения, в которых участником становится робот. Возникают вопросы относительно правосубъектности данного цифрового участника правоотношений. Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем тенденцию к расширению правового регулирования, которое связано с цифровизацией. В то же время совершенно очевидна практическая потребность в научных исследованиях, выявляющих и объясняющих влияние процесса цифровизации на право и правовую сферу жизни общества, анализирующих развитие правовых инструментов в условиях цифровой реальности.

---

[1] Окинавская Хартия глобального информационного общества: принята на о. Окинава 22 июля 2000 г.

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

[4] Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

[5] Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

Д. В. Шалабодов, Н. М. Фадеенко
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Становление и развитие контроля за операциями с денежными средствами в целях противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем

Исследуется история становления термина «отмывание доходов», анализируется эволюция понятия и содержания данного термина на международном уровне. Уделяется внимание контролю за операциями с денежными средствами в целях противодействия отмыванию доходов.

Ключевые слова: отмывание доходов; контроль; денежные средства; легализация доходов.

Термин «отмывание доходов» в настоящее время полноценно вошел в оборот современного российского права. Это означает, что ему придано определенное значение, а также то, что он используется на законодательном уровне и представляет собой самостоятельное преступное деяние, за которое предусмотрена ответственность в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Однако термин «отмывание доходов» следует считать некоторой рецепцией, т. к. впервые юридическое определение данного понятия появилось в 70–80-х гг. XX в. в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить эволюцию содержания понятия «отмывание доходов», т. к. в момент его формирования существенно отличается от того, которое ему присваивается в настоящее время.

Первоначально понятийно-категориальный аппарат «отмывание доходов» означал процесс преобразования нелегально полученных доходов, прежде всего от реализации наркотиков, в легальные доходы. Действительно, в указанный период США в качестве основного направления государственной политики видели противодействие употреблению наркотиков, которое должно было начаться с пресечения торговли наркотиками. Именно в связи с данными историческими событиями связано появление термина «отмывание доходов» [2, с. 159].

Позднее введенный в США термин «отмывание доходов» получил широкое распространение в европейских странах. Была принята Венская конвенция Организации Объединенных Наций 1988 г. о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Данная Конвенция еще больше сузила содержание исследуемого понятия, определив как преступление от-

мывание связанных с наркотиками денег. При этом иные «способы» отмывания доходов в Венской конвенции не рассматривались вовсе.

Тем не менее довольно стремительно в Европе понятие «отмывание доходов» получает расширительное, по сравнению с более ранним, толкование. В частности, Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, принятая в Страсбурге в 1990 г., отмыванием доходов считает все, что получено преступным путем (отмывание денег понимается не только как легализация доходов, полученных от наркоторговли, но и как легализация доходов, полученных от других видов незаконной деятельности) [1, с. 90]. В рамках данной Конвенции происходит становление одного из эффективных средств борьбы против отмывания доходов — лишение преступника доходов, полученных преступным путем. Отметим, что Российской Федерацией упомянутая Конвенция была ратифицирована только 9 лет спустя после ее принятия (7 мая 1999 г.).

Вместе с выработкой механизмов противодействия отмыванию доходов, в том числе полученных в результате наркоторговли, возникает необходимость в разработке действенных средств контроля за операциями с денежными средствами в целях противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем. В связи с этим как на внутригосударственном, так и на международном уровне появляются правовые документы, указывающие банкам на порядок контроля за оборотом денежных средств клиентов.

Анализ нормативных правовых актов, принятых на международном уровне, направленных на достижение обозначенной цели, рассмотрим ниже.

1. В 1970 г. в США был принят закон, касающийся банковской тайны и вместе с тем обязывающий банки хранить информацию об операциях, транзакциях клиентов, предписывающий проводить анализ движения денежных средств клиентов, а также проводить соответствующие проверки. Данный документ справедливо считается инновацией того периода.

2. Следующим шагом, создающим предпосылки для формирования системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, можно считать издание Рекомендаций Европейского совета от 27 июня 1980 г. за NR (80)10, настоятельно рекомендующих банкам и небанковским кредитным учреждениям (оказывающим финансовые услуги) предпринимать

меры предосторожности и избегать злоупотребления их услугами за счет установления личности клиента.

3. В 1986 г. в США отмывание доходов было облечено в состав уголовного деяния, за которое предусматривалось уголовное наказание. Лишь после этого принятая в 1988 г. Венская конвенция (ранее упоминалась) признала на международном уровне отмывание доходов отдельной категорией преступлений. Разумеется, данная Конвенция в большей степени была направление на развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с отмыванием денег [2, с. 204].

4. В 1989 г., во исполнение Венской конвенции, «Большая семерка» создает Группы по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ). Основными задачами ФАТФ стали разработка международных стандартов в борьбе с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма, развитие надежных и эффективных региональных органов, организованных по тем же принципам, что и ФАТФ, и расширение сотрудничества с соответствующими международными организациями. Данная группа разрабатывает наиважнейший документ в сфере контроля за операциями с денежными средствами с целью отмывания доходов — это многочисленные рекомендации (40 шт.), которые в целом были направлены на противодействие отмыванию доходов. В частности, наиболее действенными среди них были:

– требование о признании отмывания преступных доходов правонарушением в государстве;

– создание правового механизма, обеспечивающего получение информации, несмотря на требования Закона о банковской, коммерческой тайне;

– применение мер по идентификации клиентов, контроль за запутанными, сложными операциями;

– создание правового механизма направления сообщений о подозрительных операциях в уполномоченный орган государства;

– учреждение органа финансовой разведки, который собирает и анализирует информацию о подозрительных операциях;

– обеспечение механизма оказания взаимной правовой помощи иностранным государствам в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [3, с. 298].

После разработки данных рекомендаций на международном уровне продолжается процесс принятия документов, в которых учреждаются все новые средства противодействия отмыванию доходов.

В большей степени они детализируют и расширяют те положения, которые были сформулированы ФАТФ. В частности, конфискация имущества получает закрепление как официальный способ противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем.

Период активного развития нормативных правовых актов на международном уровне с 1990 до 2001 г. — в этот период была создана полновесная нормативно-правовая база. К этому времени каждое государство признало необходимость участия консолидировано в международных отношениях в рамках данной проблемы.

Очевидно, с развитием научного прогресса актуальность проблемы отмывания денег, полученных незаконным путем, получила новый виток и коснулась всех государств [4, с. 67]. Международное право в данном направлении нуждается в пересмотре, т. к. инновационные процессы в сфере информационных технологий не только помогают осуществлять контроль за отмыванием доходов, но и затрудняют выявление фактов противоправного поведения отдельных лиц.

В результате ратификации Российской Федерации Венской конвенции в 1999 г., а также в силу актуальности проблемы, исследуемой на международном уровне, в 2001 г. в России принят специализированный закон — Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Данный закон действует по настоящее время, закрепляя новые и совершенствуя существенные методы контроля за операциями с денежными средствами в целях противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем.

Библиографический список

1. *Измоденов А. К., Коростелева К. В.* Вопросы частного и публичного права в регулировании экономики // Теория и практика мировой науки. 2017. № 9. С. 88–91.

2. *Каламкарян Р. А., Мигачев Ю. И.* Международное право: учеб. для бакалавров. 5-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2018.

3. *Капустин А. Я.* Право Европейского союза: учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2017.

4. *Курдюмов А. В.* Совершенствование конкуренции на товарных рынках при осуществлении государственного контроля // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2018. С. 66–69.

Секция 4
Частноправовые аспекты цифровизации экономики

О. Г. Бельдина
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Частноправовые и публично-правовые начала в регулировании деятельности децентрализованных автономных организаций

Исследован правовой статус децентрализованных автономных организаций, описаны основные точки зрения в регулировании деятельности децентрализованных автономных организаций, сделан вывод о необходимости принятия публично-правовыми образованиями специальных норм.

Ключевые слова: децентрализованные автономные организации; электронные агенты; блокчейн; программы-роботы.

В статье исследуется правовой статус децентрализованных автономных организаций. Актуальность тематики связана с активным развитием децентрализованных автономных организаций в мире и их появлением на рынке в России: с одной стороны, стремление государства урегулировать этот вопрос, а с другой — саморазвитие этой сферы и влияние ее на российский рынок. Данная работа ставит целью оценить процесс включения децентрализованных автономных организаций в систему российского права. Методологической основой является использование общенаучных методов познания, а также общие и частные методы исследования, сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод и иные. На основе проведенного анализа автор пришел к выводу, что децентрализованные автономные организации стали развиваться как самостоятельная правовая единица.

Централизованное регулирование в России было основой всей правовой системы. С появлением системы блокчейн произошли большие изменения, которые требуют детального изучения. Сегодня можно полностью децентрализовать операции, построив систему, в основе которой будет протокол, смещающий «центр внимания» в сторону пользователей. По мнению Уильяма Могайара, «эти новые области будут включать банковские операции без банков, азартные игры вне стен дома, передачу права собственности без

централизованного заверения печатью, регистрацию без надзора государственных чиновников [2, с. 183].

Децентрализация коснулась и сферы корпоративных отношений: появились децентрализованные автономные организации (Decentralized Autonomous Organizations). По сути, это набор автономных агентов-программ, которые действуют на технологии блокчейн без вмешательства человека, осуществляя принятие организационных решений, покупая и продавая активы и т.п. Как правильно отмечает А. И. Савельев: «…В итоге возникает организация, основанная на прямом управлении „акционерами“, но в которой функции исполнительных органов выполняет компьютерная программа. Такая программа может выплачивать дивиденды, платить по счетам контрагентов и выполнять иные функции. Отличительным преимуществом таких программных комплексов является стабильность отношений: невозможность произвольного прекращения или изменения условий проекта по инициативе руководящего органа, а равно невозможность такого органа сбежать с деньгами „акционеров“» [3, с. 6]. У такой организации может быть множество акционеров, которые участвуют в краудфандинговой компании. Обычно они формулируют задачу: например, обеспечить максимальную прибыль, соблюдая принципы деловой этики. Акционеры при необходимости тоже могут голосовать по вопросам управления. Но, как верно подчеркнул Дон Апскотт, «…в отличие от традиционных организаций, где все решения принимаются людьми, в идеальной распределительной организации большая часть рутинных решений алгоритмизирована в интеллектуальном коде» [4, с. 171].

Если появляется новая конструкция, то возникает необходимость определения ее места в действующей правовой системе. Раз управляют такой организацией компьютерные программы (электронные агенты), то следует определить, как вписать их действия в правовую систему.

Как предлагает А. И. Савельев, здесь можно выделить два типа отношений:

первый вариант, когда специальная программа обрабатывает заказ от человека;

второй вариант — две электронные программы (электронных агента) вступают в отношения между собой.

В первом варианте автор придерживается точки зрения Н. А. Дмитрика, который связывает волю программы-робота с волей владельца этой программы [1, с. 89], что можно объяснить зара-

нее выраженное согласие владельца программы с теми действиями, которые она совершит.

Во втором варианте договоры могут осуществляться между компьютерными программами без участия человека. Например, при приобретении товаров или размещении заказа с помощью «умных» вещей, здесь электронные агенты могут действовать автономно. Но все непросто, мнения специалистов в этом вопросе разделились: одни предлагают наделить таких электронных агентов самостоятельной правосубъектностью, если у данного агента есть элементы искусственного интеллекта [1]; вторые рекомендуют более приемлемый вариант, который схож с концепцией добросовестного приобретения права собственности от неуполномоченного лица [5], т. е. договор должен быть признан заключенным, даже если электронный агент допустил ошибку.

Таким образом, автор попытался вписать с помощью различных точек зрения децентрализованные автономные организации в сферу частноправового регулирования. Но это лишь слабые попытки разобраться с уже существующими правоотношениями. Последнее слово в этом вопросе все равно будет за судебной практикой. Но нельзя забывать, что мы принадлежим к континентальной системе права, поэтому ждем от публично-правовых институтов специальных актов, которые детально определят правовой статус данных организаций.

Библиографический список

1. *Дмитрик Н. А.* Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет. М.: Wolters Kluwer, 2006.

2. *Могайар У.* Блокчейн для бизнеса / пер. с англ. Д. Шалаевой. М.: Эксмо, 2018.

3. *Савельев А. И.* Договорное право 2.0: «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. Т. 16, № 3. 2016. С. 32–60.

4. *Тапскотт Д., Тапскотт А.* Технология блокчейн: то, что движет финансовой технологией сегодня / пер. с англ. К. Шашковой, Е. Ряхиной. М.: Эксмо, 2018.

5. *Черепахин Б. Б.* Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуполномоченного приобретателя. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/22/page_23.html

6. *Solum L. B.* Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70, no. 4. P. 1231.

Е. В. Елфимова
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Электронные трудовые книжки — шаг к цифровизации трудовых отношений

Отмечается актуальность электронного документооборота в целях выполнения программы по направлению «Цифровая экономика Российской Федерации»; обосновывается целесообразность внедрения электронной трудовой книжки, приводится понятие и раскрываются ее особенности; отмечаются положительные аспекты и возможные проблемы указанного нововведения.

Ключевые слова: электронная трудовая книжка; электронное делопроизводство; учет сведений о трудовой деятельности.

Интернет внедряется в нашу жизнь со скоростью света, а значит можно утверждать об актуальности развития, в том числе, трудовых отношений в цифровой экономике.

В соответствии с указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека Правительством РФ разработана программа по направлению «Цифровая экономика Российской Федерации». Согласно плану мероприятий указанной программы по направлению «Нормативное регулирование», в июле 2019 г. планируется принятие законопроекта, предусматривающего понятие электронного документа, определение процедуры хранения документов, в том числе электронных, использования и хранения электронного дубликата (электронного образа) документа, а также в части формирования благоприятных правовых условий для сбора, хранения и обработки данных с использованием новых технологий. С 2020 года предполагается вести учет сведений о трудовой деятельности граждан в электронном виде.

Остановимся, в частности, на законопроекте об электронных трудовых книжках, который должен быть принят в 2019 г. Электронная трудовая книжка — это сведения, подтверждающие процесс трудовой (страховой) деятельности работника, размещенные в информационной системе Пенсионного фонда России (далее —

ПФР) и формируемые на основе предоставляемой работодателями информации (ТК РФ будет дополнен новой ст. 66.1). Предполагается, что работодатели будут направлять в Пенсионный фонд России в электронном виде сведения о трудовой (страховой) деятельности работников, т. е. о приеме на работу, переводе на другое рабочее место, увольнении. Проект затрагивает всех работодателей, осуществляющих свою деятельность на территории РФ. Работники будут иметь возможность видеть в информационной системе записи, которые производит работодатель, и направлять свои персональные данные в электронном виде работодателю, например при трудоустройстве, в том числе для работы дистанционно в другой местности.

В то же время законопроектом не предусмотрен единовременный полный отказ от бумажных трудовых книжек — предполагается, что до 1 января 2027 г. работодатели продолжат их вести. Исключения составят трудовые книжки тех работников, которые обратятся к работодателю с письменным заявлением об отказе от их ведения на бумажном носителе, — в этом случае трудовые книжки будут переданы на хранение самим работникам[1].

В настоящее время, в соответствии со ст. 66 ТК РФ, трудовые книжки являются основным документом, подтверждающим трудовой (страховой) стаж работника. Правовой основой их ведения является Постановление Минтруда России от 10 октября 2003 г. № 69 «Об утверждении Инструкции по заполнению трудовых книжек» и Постановление Правительства РФ от 16 апреля 2003 г. № 225 «О трудовых книжках». Внедрение электронной трудовой книжки потребует внесения изменений технического (а не содержательного) характера в основные действующие нормативные правовые акты, регламентирующие порядок ведения и хранения трудовых книжек.

Особенностями электронных трудовых книжек являются: удобный и доступный интерфейс для обработки персональных данных и их хранение в специализированных базах; сохранность персональных данных от неправомерного доступа; возможность обмена данной информацией с государственными структурами (Пенсионный фонд, ФСС, ФОМС).

Бумажные трудовые книжки имеют определенные риски, в частности: риск утери или порчи документа, в связи с чем восста-

[1] Возможные варианты перехода на электронные трудовые книжки и полностью электронный кадровый документооборот. URL: https://www.garant.ru/article/1217135.

новление займет определенное время; подделка официальных бланков и их нелегальное распространение; организация мест хранения книжек на предприятиях; дополнительные расходы работодателя по заполнению и ведению их учета.

Введение электронного оборота документов, на наш взгляд, может решить указанные проблемы бумажной трудовой книжки. Однако указанное нововведение позволяет выделить как плюсы, так и минусы этой системы.

Например, среди плюсов введения электронных трудовых книжек можно отметить: возможность корректировать персональные данные поможет избежать ошибок или описок, часто встречающихся при ручном заполнении; снижение количества фактов мошенничеств на черном рынке данных услуг; гарантированное хранение информации на защищенных серверах, что сводит к минимуму риск потери информации, подтверждающей страховой стаж работников; снижение трудозатрат специалистов по персоналу; отсутствие фактов задержки выдачи трудовой книжки при увольнении.

Среди минусов можно обозначить следующие: возможность выхода из строя компьютерной техники и программного обеспечения из-за хакерских атак; обязанность перевода всей информации с бумажных носителей в электронные базы; территориальная удаленность и труднодоступность некоторых предприятий от глобальной сети Интернет; большая нагрузка на бюджет государства по разработке, обновлению и защите программного обеспечения баз данных.

На сегодняшний день введение электронной трудовой книжки не осуществляется по причине отсутствия законодательного закрепления порядка их ведения, учета и интеграции с различными государственными структурами.

Что же касается статистики, то среди россиян, работающих по найму (53 % по выборке), о концепции перехода с бумажных трудовых книжек на электронные слышала половина (52 %), однако специально интересовались этим вопросом только 7 %. Каждый второй (53 %) выступает за сохранение обоих форматов (бумажного и электронного), за полный переход на электронные носители высказываются 18 % (среди жителей городов-миллионников, кроме Москвы и Питера, — 32 %), за сохранение бумажных версий — 19 %.

Сторонники возможного нововведения считают, что оно позволит в первую очередь упростить доступ к информации, восстановить данные в случае утери бумажного носителя. Противники же, напротив, прежде всего опасаются утери или кражи электронных

данных. На вопрос о том, есть ли необходимость в сохранении традиционной формы документа (бумажной) ввиду возможной утери данных о стаже с электронных носителей, 69 % граждан, работающих по найму, отвечают утвердительно[1].

В целях обеспечения эффективной системы электронного делопроизводства в сфере трудовых отношений считаем целесообразным разработать единую государственную информационную систему, обеспечив ее прямые контакты с уже существующими (например, gosuslugi.ru, nalog.ru, arbitr.ru, fssp.ru), где граждане могли бы бесплатно получать необходимую информацию.

В век цифровизации введение электронного делопроизводства не только является объективной необходимостью, но и должно рассматриваться как составная часть целей и задач по цифровизации, стоящих перед Российской Федерацией. Это позволит упростить кадровое делопроизводство, повысить его эффективность, сделать прозрачным механизм взаимоотношений между работодателями, работниками и государственными органами — прежде всего ПФР и другими фондами, контрольно-надзорными органами (в том числе государственной инспекцией труда), судами.

Изложенное позволяет сделать вывод, что организационные основы цифровизации заложены указом Президента страны и документами Правительства РФ. Теперь очередь за разработкой и внедрением конкретных правовых решений, дающих более широкие возможности применения электронных моделей ведения трудовой деятельности.

---

[1] Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: http://wciom.ru.

В. Г. Истомин
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург

Актуальные вопросы применения антимонопольного законодательства к отношениям, складывающимся в сфере использования программных продуктов

Рассмотрен вопрос обоснованности и пределов так называемых антимонопольных иммунитетов, представляющих собой нормативные изъятия из сферы применения норм о монополистической деятельности по отношению к действиям и соглашениям, связанным с осуществлением интеллектуальных прав. В результате анализа научной доктрины и правоприменительной практики автор приходит к выводу о необходимости определенного ограничения указанных иммунитетов.

Ключевые слова: монополистическая деятельность; антимонопольные иммунитеты; интеллектуальная собственность.

Конкурентная среда является неотъемлемым атрибутом современной рыночной экономики. В настоящее время в российской юридической доктрине и правоприменительной практике большое значение уделяется проблеме обеспечения баланса частных и публичных интересов, которая, применительно к антимонопольному законодательству, может быть изложена следующим образом: правовое регулирование отношений конкуренции должно, с одной стороны, обеспечить возможность любому предпринимателю эффективно использовать рыночные механизмы для осуществления собственной деятельности и получения максимально возможной прибыли, а потребителю доступ к товарам, работам и услугам высокого качества и по доступным ценам, и, с другой стороны, содействовать научно-техническому развитию и безопасности государства, обеспечению здоровья населения, уменьшению зависимости от иностранных технологий и программного обеспечения

В указанном контексте в области обеспечения баланса интересов наиболее актуальными становятся вопрос о необходимости и пределах распространения законодательства о защите конкуренции на сферу правоотношений, связанных с распоряжением интеллектуальными правами на объекты интеллектуальной собственности, и оценка обоснованности так называемых антимонопольных иммунитетов, касающихся исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Дело в том, что, согласно ч. 4 ст. 10 и ч. 9

ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[1], требования соответствующих статей, касающиеся запрета злоупотребления доминирующим положением и заключения антиконкурентных соглашений, не распространяются на действия либо соглашения, связанные с осуществлением либо распоряжением исключительными интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. В ранее действовавшем Законе РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948–1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» соответствующее положение, предусматривающее легальную монополию обладателей исключительных прав, было сформулировано несколько иначе: п. 2 ст. 2 закона содержал общую норму, согласно которой положения данного нормативного акта не распространялись на отношения, связанные с объектами исключительных прав, кроме случаев, если соглашения, связанные с их использованием, были направлены на ограничение конкуренции либо приобретение, использование и нарушение исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности могли привести к недобросовестной конкуренции. Таким образом, рассматриваемый нормативный акт, в целом закрепляя антимонопольный иммунитет обладателей исключительных прав, тем не менее предполагал возможность оценки действий и соглашений с участием правообладателей на предмет наличия либо отсутствия в них признаков ограничения конкуренции и недобросовестной конкуренции.

В настоящее время наиболее последовательным сторонником отмены антимонопольных иммунитетов обладателей исключительных прав выступает Федеральная антимонопольная служба РФ, которая неоднократно выходила с законопроектами о частичном либо полном снятии указанных иммунитетов[2]. Однако подобные предложения пока не нашли поддержки, в том числе из-за недоста-

---

[1] Далее по тексту Федеральный закон «О защите конкуренции».

[2] См., напр., внесенный Правительством РФ проект Федерального закона № 199585–6 «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“»; также Федеральной антимонопольной службой был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“ и Гражданский кодекс Российской Федерации».

точной обоснованности предлагаемых изменений[1]. Вместе с тем вопрос о пределах легальной монополии обладателей исключительных прав продолжает оставаться открытым и нуждается в серьезном теоретическом анализе и четком законодательном регулировании. В отечественной юридической науке высказаны мнения как в поддержку существования антимонопольных иммунитетов, так и за отмену таковых. Сторонники сохранения иммунитетов отмечают, что их отмена поставит под удар практически всех правообладателей, кто в том или ином виде пытается коммерциализировать патентоохраняемые объекты [1]. Те же, кто выступает за отмену антимонопольных иммунитетов, напротив, полагают, что подобный правовой подход будет способствовать повышению эффективности не только антимонопольного регулирования отношений, связанных с использованием объектов интеллектуальной собственности, а также защиты от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав [2]. Также высказывается мнение о необходимости прямо закрепить в Федеральном законе «О защите конкуренции» некий перечень недобросовестных лицензионных практик, которые следует презюмировать как нарушающие антимонопольный закон (например, требование к лицензиату приобрести незапатентованные объекты в дополнение к запатентованным или «пакет» лицензий, закрепление обязанности лицензиата передать права на «последующее запатентованное изобретение») [3].

Что касается зарубежного опыта правового регулирования соответствующих отношений, то следует заметить, что зарубежное антимонопольное законодательство и судебная практика зачастую содержат примеры ограничения монополии обладателей исключительных прав, придерживаясь при этом взвешенного подхода. Так, ст. 101 и 102 Договора о функционировании Европейского союза от 25 марта 1957 г., устанавливающие запреты в отношении ограничивающих конкуренцию соглашений и злоупотребления доминирующим положением, допускают применение данных норм к деятельности правообладателей объектов исключительных прав при нарушении ими установленных этими нормами запретов. Вместе с тем в европейском конкурентном праве действует достаточно гибкая система правил, опосредующих применение указанных норм.

---

[1] См.: Заключение об оценке регулирующего воздействия проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“ и Гражданский кодекс Российской Федерации». URL:http//regulation.gov.ru/ projects/List/AdvancedSearch#npa=46586.

Речь идет о различных исключениях, установленных как в самом Договоре о функционировании Европейского союза (например, § 3 ст. 101), так и в принятых в дополнение к нему документах, содержащих разъяснение его положений[1].

В США законодательство и правоприменительная практика также предусматривают возможность применения антимонопольных норм в отношении соглашений, касающихся исключительных прав. Вместе с тем при оценке того или иного соглашения, заключаемого правообладателем с контрагентом, судебные органы исходят из так называемого разумного подхода, правила «rule of reason», выработанного судебной практикой и воспринятого юридической доктриной, согласно которому каждое лицензионное соглашение подлежит оценке с учетом всех обстоятельств дела, исходя из того, что лицензионные соглашения, по общему правилу, правомерны, а обладание исключительным правом позволяет субъекту реализовать свои правомочия по использованию охраняемого объекта. Такой подход закреплен и в принятом Министерством юстиции США и Федеральной торговой комиссией Антимонопольном руководстве для лицензирования интеллектуальной собственности от 12 января 2017 г., согласно которому применение антимонопольного законодательства к лицензионному соглашению возможно на основе правила разумности с оценкой всех его позитивных и негативных последствий для развития конкуренции[2].

Российская правоприменительная практика в настоящее время также начинает сталкиваться с недобросовестным поведением со стороны правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, что увеличивает необходимость введения определенных ограничений в отношении антимонопольных иммунитетов обладателей исключительных прав[3]. Широкую известность в указанной связи получило судебное разбирательство под общим названием «Антимонопольный орган и компания „Яндекс“ против

---

[1] См., напр., Регламент Европейской комиссии от 14 декабря 2010 г. № 1217/2010 о применении ст. 101(3) Договора к определенным категориям соглашений о научно-технических исследованиях.

[2] Antitrust Guidelines for the Licensing of Intellectual Property issued by the U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. January 12, 2017. URL: https://justice.gov/atr/IPguidelines/download.

[3] См., напр., Постановление Верховного Суда РФ от 9 ноября 2015 г. № 305–КГ15–7123 по делу № А40–42997/2014.

группы компаний „Гугл“»[1]. В данном деле суды, поддержав позицию антимонопольного органа, посчитали действия группы компаний «Гугл», выразившиеся в заключении лицензионных соглашений с производителями мобильных устройств на установку магазина приложений Google Play, монополистической деятельностью (ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции»). Аргументы компаний о неприменении антимонопольного законодательства к заключенным ими соглашениям, согласно ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции», суды сочли необоснованными в силу того, что группа компаний «Гугл», занимая доминирующее положение на рынке предустанавливаемых магазинов приложений для операционной системы Android, связывала с реализацией магазина приложений Google Play обязательное приобретение иных приложений, при этом оговаривая место их размещения на экране, установку Google в качестве поисковой системы «по умолчанию», а также устанавливала в соглашениях запрет на предустановку приложений, продуктов, сервисов, разработанных иными хозяйствующими субъектами-конкурентами.

Несмотря на то, что данное решение вызывает вполне серьезную критику в связи с недостаточно подробным обоснованием судом факта неприменения ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции», следует отметить, что абсолютная монополия правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, установленная российским законодательством о защите конкуренции, нуждается в определенном ограничении. Такое ограничение должно быть введено в целях защиты конкуренции, прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, общества в целом. В связи с этим возможно предложить дополнить ч. 4 ст. 10 и ч. 9 ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции» положением, которое, сохраняя общее правило о нераспространении антимонопольного законодательства на действия и соглашения по осуществлению исключи-

[1] Решение арбитражного суда г. Москвы от 15 марта 2016 г. по делу № А40–240628/15–147–1984. URL: http://sudact.ru/arbitral/doc/eGhIIk5Y2i61. В конечном итоге дело завершилось мировым соглашением, по которому группа компаний «Гугл» приняла на себя обязательства по внесению ряда изменений в лицензионные соглашения, направленных на отказ от требований об эксклюзивности установки своих приложений, а также совершение действий, касающихся обеспечения пользователям возможности выбора поисковой системы «по умолчанию». См., напр., *Мадни Я.* Мировое соглашение одобрено: чем закончился двухлетний спор ФАС и Google // РИА Новости. 2017. 17 апр. URL: https://ria.ru/economy/20170417/1492436274.html.

тельных права на результаты интеллектуальной деятельности, тем не менее позволяло бы антимонопольному органу анализировать конкретные соглашения с участием правообладателей на предмет устранения конкуренции или наложения на их участников чрезмерных ограничений, не соответствующих целям таких действий либо соглашений.

Библиографический список

1. *Акифьева А.* Отмена «антимонопольных иммунитетов» для интеллектуальной собственности: за и против // Конкуренция и право. 2016. № 4. С. 36–39.
2. *Ворожевич А. С.* Антитраст vs Патентные права: почему вмешательство антимонопольной службы повредит инновациям? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 1. С. 72–122.
3. *Гаврилов Д. А.* Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объекты промышленной собственности. М.: НОРМА; ИНФРА–М, 2014.

В. Б. Малкеров

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Проблемы научных исследований в сфере юриспруденции в связи с переходом к цифровой экономике

Ставится проблема увеличения актуальности юридических исследований. Автор сравнивает тенденции развития технических и гуманитарных наук, в частности юридических. Сформулированы предложения по увеличению степени актуальности исследований в юриспруденции в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: развитие юридической науки; гуманитарные и технические научные исследования; повышение актуальности исследований.

В данной статье хотелось бы остановиться на анализе тенденций развития гуманитарных наук, в частности юридических, и технических наук, что, по мнению автора, позволило бы внести ряд предложений, улучшающих систему организации науки в сфере юриспруденции. Это особенно актуально в связи с цифровизацией экономики. Особенностью юридических наук, как и других гуманитарных наук, является возможность отсутствия конкретного практического предложения, выраженного в форме практического результата. В технических науках, в первую очередь прикладных, предполагается наличие практического результата, который и бу-

дет доказательством истинности выдвинутой научной гипотезы. Эксперимент предусматривается даже при проведении фундаментальных исследований в сфере биологии, физики, химии, который подтвердит или опровергнет верность выдвинутых предположений. Юридические научные исследования в принципе не предполагают эксперимент как средство доказывания научной теории, способного обосновать необходимость изменений социального характера. Утверждение, даже с высокой степенью спорности, но дающее возможность для дальнейшей научной полемики, для гуманитарных наук будет приемлемым результатом. Эксперимент часто вообще невозможен, например в сфере глобальных социальных интересов. Это обусловлено сложностью социальной сферы, огромным количеством специфических факторов, которые не всегда осознаются современной наукой. В технической сфере на изучаемое явление влияние может оказать гораздо меньшее количество обстоятельств, которые можно предусмотреть и спрогнозировать, а затем опытным путем подтвердить выдвинутые предложения или опровергнуть их.

Важность практических результатов в технических научных исследованиях определило такую их особенность, как комплексный характер. Например, производство нового лекарства для улучшения функционирования головного мозга требует глубоких знаний в самых разных областях. Для тестирования состояния головного мозга нужны познания, например, в математике или лингвистике. Для изучения комплексных процессов функционирующего головного мозга нужны знания в сфере медицины, биологии по разным подотрослям (неврология, физиология и т. д.). Синтез медицинского препарата требует глубокого знания химии и т. д. Таким образом, практический результат как итог научного исследования предполагает комплексный характер, исследования должны проводиться на стыке различных отраслей знаний. Усложнения научных исследований в будущем, видимо, усилят данную тенденцию. Относительно исследований в юриспруденции, то, как указывалось выше, юридическая наука часто избавлена от необходимости наличия практического результата. Это обстоятельство дает большую свободу в выборе как предмета, так и метода исследования, поскольку исследования в гуманитарных науках, безусловно, менее затратны, чем исследования в технической сфере. Однако это же обстоятельство создает предпосылку для снижения степени актуальности научного исследования, поскольку выводы по нему не связаны с обязательной практической значимостью. В научной литературе отмечалось,

что в современных условиях «…не видно признаков того, чтобы власть, общество как то особенно ждало ответов от общественной науки…» [1].

Юридическое образование одно из самых востребованных в России, многие вузы открыли юридические факультеты, в том числе и по финансовым соображениям. Возникает спрос на преподавательские кадры, к уровню квалификации которых предъявляются определенные формальные требования, включая ученую степень, вовлеченность в научную работу и др. Данные показатели влияют на возможности вуза аккредитоваться по юридической специальности, и учебное заведение изыскивает способы, стимулирующие преподавательский состав к научной деятельности, что может снизить актуальность научных исследований в пользу количества формальных научных показателей. Можно предположить, что сокращение количества научных советов, где осуществлялась защита диссертаций по юриспруденции, является осознанной государственной политикой по усилению актуальности научных исследований в этой сфере.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Технические научные разработки отличаются высоким уровнем актуальности, проводятся силами специалистов различных отраслей знаний. Исследования в юриспруденции, как и другие исследования гуманитарных наук, в большей степени изолированны. Закономерен вопрос — нужны ли научные разработки в юриспруденции, осуществленные в кооперации со специалистами из других сфер (например, экономистами, социологами и др.), или такие научные исследования нуждаются в изолированности, делая упор на анализе разработок в той же сфере, с поправками на социально-экономическую ситуацию? Ответ на данный вопрос не является очевидным.

Разработки римских юристов положены в основу современного гражданско-правового регулирования большинства государств. Однако и отказ от сотрудничества со специалистами смежных наук ограничил бы практическую составляющую юридической науки, навязал бы ей бесконечное повторение уже общеизвестных понятий с незначительной поправкой на изменяющиеся реалии. Уже в настоящее время существуют различные проекты социального, экономического и даже технического характера, включающие в себя юридические разделы, которые обеспечивают правовую составляющую данных проектов. Причем иногда отсутствие правовой проработки тормозит внедрение данных проектов. Например,

некоторые исследователи считают, что развитию нанотехнологий в РФ препятствует и недостаточно развитая нормативная база [2]. По мнению автора данной статьи, эти две точки зрения о развитии науки в сфере юриспруденции должны конкурировать между собой, способствуя взаимному развитию. Однако парадоксальность ситуации в том, что явных, аргументированных позиций, критикующих развитие юридической науки в корпорации с научными исследованиями в смежных отраслях права, нет, но имеющаяся в настоящее время система организации научных исследований в сфере юриспруденции объективно дискриминирует данный вариант развития. Это выражается в том, что личной заслугой и желаемым результатом научного исследования является защита диссертации.

На подготовку и защиту докторской диссертации уходит значительная часть жизни ученого-правоведа. Возглавляя после этого научные исследования молодых коллег, руководитель тиражирует сложившиеся подходы научных правовых исследований, поскольку с возрастом люди становятся более консервативными. Можно констатировать, что диссертационные исследования являются наиважнейшим источником научного развития правовой науки. При этом сложившиеся правила и требования в ученых советах определяют и направления разработок вместе с ее глубиной. При этом часто доминируют именно узконаправленные ориентиры на научные разработки. Например, автора данной статьи критиковали за слишком широкую тему его кандидатского диссертационного исследования. Тема диссертации была «Проблемы регулирования трудовых отношений при переходе к новому типу экономики». Многие коллеги считали, что данная тема слишком широка для изучения, и при защите автор имел определенные проблемы. Защиту диссертации пришлось отложить, в том числе и по данной причине, хотя работа посвящена анализу только одной отрасли права.

В диссертационных советах, где проводятся защиты по техническим наукам, допускаются защиты в случаях, когда автор участвует в комплексном исследовании, чего практически не случается при защите диссертации по юридическим специальностям. Несовершенство организации исследований в сфере юриспруденции отрицательно влияет на качество исследований и «…является фактором, заметно тормозящим ее поступательное движение в изменяющихся условиях» [3].

Следует отметить, что такая дисциплина, как цифровое право, которая совсем недавно введена в учебные планы, носит комплекс-

ный характер. В предмет ее ведения входят нормы различных отраслей законодательства. Следовательно, научные исследования, связанные с проблематикой в цифровом праве, могут осуществляться только на основе комплексного подхода. Проведение же комплексных исследований диссертационного характера значительно ограничено существующей практикой работы ученых советов, как уже указывалось выше.

В качестве предложений автор статьи рекомендует укрупнение научных советов и нормативное закрепление возможности писать диссертации по юриспруденции на стыке нескольких отраслей права. В этом случае автор работы не будет избегать комплексного анализа из-за опасения отказа в приеме диссертации к защите по мотивам непрофильности. Далее, на другом этапе необходимо проработать механизм защиты диссертаций при участии соискателей в комплексных разработках как юридической, так и не юридической тематики.

Библиографический список

1. *Жуков В. Н.* Юридическая наука и ценности // Государство и право. 2018. № 1. С. 5–16.

2. *Павелко П. Л.* Немного о развитии нанотехнологий // Наука и образование сегодня. 2018. № 1. С. 13–15.

3. *Разуваев Н. В., Трегубов М. В.* Правовая наука и развитие образовательных компетенций юриста // Управленческое консультирование. 2018. № 1. С. 42–50.

Л. И. Миннегалиева
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Отдельные вопросы юридической ответственности в цифровом праве

В условиях цифровизации экономических отношений актуальной проблемой является возможность привлечения их участников к юридической ответственности. Автором обоснован вывод о том, что введение в гражданский оборот цифровых прав, существующих исключительно в электронной форме в отрыве от материального права, порождает неопределенность в их толковании и применении.

Ключевые слова: юридическая ответственность; дисциплинарная ответственность; гражданская ответственность; уголовная ответственность; цифровые права.

В условиях цифровизации экономического пространства России наиболее остро встает тема юридической ответственности. В отсутствие эффективного механизма ответственности нормы, регламентирующие цифровые права, будут носить лишь декларативный характер. Такая ситуация может привести к ощущению безнаказанности, самоуправству, причинить существенный вред правам и законным интересам граждан нашей страны.

Прежде чем говорить об юридической ответственности в сфере цифрового права, стоит отметить, что на законодательном уровне до сих пор нет единого определения юридической ответственности. В науке достаточно много точек зрения на понятие юридической ответственности. Изучением этого явления занимались многие видные научные деятели, такие как О. С. Иоффе, О. Э. Лейста, Н. С. Малеина, Д. А. Липинского, С. С. Алексеева, Б. М. Лазарева, М. С. Богдановой, О. Е. Щербаковой и т. д. [1, с. 100] У каждого из авторов свой подход к определению юридической ответственности. В данном случае остановимся на понимании юридической ответственности в широком смысле, т. е. как на применении мер государственного принуждения по отношению к правонарушителю. В отличие от моральной ответственности, где оценка поведения человека дается через призму таких категорий, как стыд, совесть, в рамках юридической ответственности человек отвечает перед законом и судом.

Виды юридической ответственности и меры наказания зависят от характера правонарушения. Традиционно выделяют следующие виды ответственности: уголовную, административную, гражданскую и дисциплинарную.

Дисциплинарная ответственность наступает за нарушение трудовой, служебной, воинской, учебной дисциплины. Под совершением дисциплинарного проступка понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей. При этом работодатель вправе применить одно из следующих дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, увольнение по соответствующему основанию. В условиях цифровизации экономики действующая редакция Трудового кодекса РФ допускает привлекать к работе дистанционных работников, с которыми трудовой договор может заключаться посредством обмена электронными документами. Сам работник вправе направить работодателю при приеме на работу документы в электронном виде. Существенный плюс такой категории работников в том, что они осуществляют работу вне стационарного рабочего места и вне места постоянного нахождения работодателя. На дистанционных работников распространяется действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. На практике же у работодателей возникает серьезная проблема, как привлечь таких работников к дисциплинарной ответственности.

В связи с этим стоит обратить внимание на следующие спорные моменты привлечения к дисциплинарной ответственности дистанционных работников, которые нашли отражение в судебных актах:

1) работодатель не имеет права привлекать работника к дисциплинарной ответственности в виде увольнения за прогул в связи с отсутствием дистанционного работника в офисе работодателя. Согласно Апелляционному определению Санкт-Петербургского городского суда от 14 ноября 2016 г. № 33–23178/2016 по делу № 2–745/2016, у работодателя, осведомленного о дистанционном характере работы работника, нет оснований к его увольнению за прогул вследствие его отсутствия в офисе работодателя;

2) привлечение работника к дисциплинарной ответственности за неисполнение работником своих обязанностей, если вышла из строя компьютерная техника, предоставленная работодателем, является незаконным. Как указано в Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 25 июля 2017 г. № 33–14989/2017 суд, первой инстанции правильно отклонил доводы работодателя о возможности направления необходимых отчетов работником со своего персонального компьютера и личной электронной почты, правомерно указав, что, поскольку трудовым договором на К. не возложено обязанности по использованию личной

техники для работы, соответствующие условия о компенсации ее износа и эксплуатации сторонами не согласованы, то ссылки работодателя о возможности направления отчетов работником посредством личной техники противоречат условиям трудового договора. В связи с чем работник был восстановлен на работе и взыскана заработная плата за время вынужденного прогула с работодателя;

3) дисциплинарное взыскание в отношении работника может быть применено в течение месяца со дня обнаружения проступка и при условии истребования у работника объяснений по этому поводу. Согласно Апелляционному определению Санкт-Петербургского городского суда от 16 марта 2016 г. № 33–5368/2016 по делу № 2–9927/2015, дисциплинарное взыскание в виде увольнения применено в отношении работника (заместителя директора), работающего дистанционно, по истечении месячного срока, установленного законом для применения дисциплинарных взысканий. Работодателем не представлено доказательств истребования у работника объяснений по факту отсутствия его на рабочем месте в указанные в приказе об увольнении даты, также в материалах дела отсутствуют соответствующие акты об отказе работника от дачи объяснений. В связи с чем работник был восстановлен на работе;

4) незаконным является привлечение работника к дисциплинарной ответственности за неисполнение возложенных на него должностных обязанностей, если трудовой договор о дистанционной работе между работодателем и работником не подписан [3, с. 52];

5) срок для обращения в суд за оспаривание оснований привлечения работника к дисциплинарной ответственности исчисляется с момента получения таким работником соответствующих документов от работодателя, а не с момента издания приказа работодателем о привлечении к дисциплинарной ответственности [2, с. 40].

Таким образом, привлечь дистанционных работников к дисциплинарной ответственности по основаниям, предусмотренным действующим законодательством, можно, но обязательно с учетом специфики характера их дистанционной работы.

Гражданско-правовая ответственность наступает за нарушение имущественных прав, неисполнение договорных обязательств, причинение имущественного вреда. И главная здесь мера ответственности — возмещение убытков. В марте 2019 г. был принят Федеральный закон № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который является основополагающим для развития

гражданского права в целом. Указанным законом закреплено базовое определение «цифровые права», дополнены правила гражданского законодательства о форме сделок. Внесенными изменениями к простой письменной форме сделки приравнивается выражение лицом своей воли с помощью электронных или других аналогичных технических средств. Устанавливается, что дистанционное выражение лицом своей воли с помощью электронных или иных технических средств считается выражением воли в надлежащей письменной форме, если: во-первых, используемые при волеизъявлении технические средства позволяют воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки; во-вторых, использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. В связи с этим возникает немало вопросов, носящих больше технический характер, нежели правовой, но решение которых требуется для привлечения контрагента по сделке к гражданско-правовой ответственности:

1) если заключаем и исполняем сделку с помощью применения информационных технологий, то последующая переписка и выставление претензий в адрес контрагента также должны осуществляться с помощью информационных технологий?

2) как в судебных органах контрагент по сделке сможет доказать, что было нарушение, и как будут использоваться в качестве доказательств эти информационные технологии? И как суд сможет их исследовать, если учесть, что суды технически не оборудованы такими информационными технологиями?

В настоящее время такие технологии активно используются сотовыми операторами услуг связи и банковским сектором. Широко распространены случаи, когда эти субъекты злоупотребляют и подключают через смс-сообщения те или иные услуги своим абонентам, не уведомляя их о правовых последствиях. И в этой ситуации гражданину приходится доказывать, что эту услугу он по своей инициативе не подключал и не требовал ее предоставления. Если же подобные технологии будут массово применяться, то неизвестно, к каким последствиям могут привести. В связи с чем требуются достаточно четкие критерии возможности использования таких технологий, а на данном этапе законодатель лишь говорит об их возможном применении без какой-либо конкретизации.

Таким образом, с гражданско-правовой точки зрения возникают немалые сложности с применением классических средств вещно-

правовой защиты к отношениям, связанным с информационными технологиями при заключении и исполнении сделок в обществе.

Уголовная ответственность наступает исключительно за преступления. При этом только суд может привлечь к уголовной ответственности и определить меру ответственности. К преступлениям относятся общественно опасные виновные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом РФ. С уголовно-правовой точки зрения, в зависимости от обстоятельств и характера совершенного деяния в сфере информационных технологий при заключении и исполнении сделок, такого рода действия могут быть квалифицированы по ст. 159.6 («Мошенничество в сфере компьютерной информации») или 165 («Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием») Уголовного кодекса РФ.

Введение в гражданский оборот цифровых прав, с одной стороны, позволяет легализовать сбор и обработку значительного массива обезличенной информации, а с другой — в связи с существованием цифровых прав исключительно в электронной форме, в отрыве от материального мира, порождает неопределенность в их толковании и неоднозначность в применении их в реальной жизни.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Государство и право. М.: Юридическая литература, 1994.

2. *Рудаков Л.* Удаленные (дистанционные) сотрудники: доказательства причин их увольнения // Трудовое право. 2017. № 10. С. 31–42.

3. *Сорокин А.* Дистанционные работники: анализ споров по дисциплине // Трудовое право. 2015. № 11. С. 51–58.

Т. В. Сысоева
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург

Адвокатура в условиях цифровой реальности

Статья посвящена применению информационных технологий в адвокатской деятельности, автоматизации распределения адвокатов для осуществления защиты по назначению правоохранительных органов. Автор, обосновывая необходимость данной процедуры, делает вывод, что в целях развития электронного правосудия в России необходимо совершенствовать процессуальное законодательство, только в этом случае граждане будут иметь право использовать информационные технологии на каждом этапе судебного процесса, что не может не гарантировать открытость и доступность информации.

Ключевые слова: цифровая реальность; электронная очередь; порядок; «карманный» адвокат; адвокат по назначению; электронное правосудие; информационные технологии.

В настоящее время происходит стремительный рост объемов информации, развитие цифровых технологий. Формируются информационные массивы и базы данных, которые, конечно же, не могут не внедряться в различную деятельность государственных и общественных институтов. Цифровые информационные технологии стали глобальной тенденцией мирового развития.

«Взаимосвязь и влияние цифровых технологий на экономические и управленческие (в том числе государственно-управленческие) отношения уже очевидны не только ученым, но и рядовым гражданам, чего нельзя сказать об их аналогичном взаимодействии с правом» [2].

Сегодня достаточно актуальной является проблема получения квалифицированной юридической помощи, которую оказывают адвокаты по назначению. Обозначенная проблема заключается в том, что зачастую на практике назначенные адвокаты участвуют в деле только для того, чтобы получить денежное вознаграждение, а не за тем, чтобы реально помочь своему доверителю. Таких адвокатов принято называть «карманными» адвокатами.

Эти адвокаты хоть формально и присутствуют на следственных действиях, однако фактически не выполняют своих профессиональных обязанностей: не обсуждают позицию по уголовному делу со своим доверителем, не заявляют необходимые ходатайства, т. е. играют роль статистов. Есть и другая категория таких защитников, которые вовсе не присутствуют на следственных действиях, но надлежащим образом оформляют и подписывают все протоколы. В та-

кой ситуации крайне сложно доказать, что адвоката у обвиняемого не было, как и опровергнуть слова подзащитного, оговорившего себя в совершении преступления в присутствии адвоката.

Работа следователя и такого адвоката, проходящая в своеобразной связке, позволяет быстро собрать необходимые доказательства и провести нужные действия с нарушениями Уголовно-процессуального законодательства. От подобного сотрудничества прежде всего страдает подозреваемый, т. к. адвокат, которого назначило для защиты государство, в этом случае превращается в помощника следователя.

Казалось бы, гарантией недопуска к уголовным делам «карманных адвокатов» должен быть установленный график дежурств адвокатов, поскольку адвокаты, не являющиеся дежурными в определенный день, не имеют право участвовать в следственных действиях в качестве защитника по назначению. Однако во многих адвокатских образований в один день дежурят по двое, а иногда и по трое адвокатов, из числа которых следователи имеют право пригласить более удобного и сговорчивого адвоката для участия в уголовном деле.

Подобная ситуация вызвана тем, что ряд адвокатов, используя свои личные связи среди работников дознания, следствия и канцелярий некоторых судов, практически монополизировали эту сферу адвокатской деятельности, ущемляя тем самым права своих же коллег и порождая напряженность в адвокатском сообществе. Такое положение, когда адвокаты ради поддержания хороших отношений со следователями, обеспечивающими их клиентурой, в нарушение этических норм профессии формально и безответственно относятся к исполнению своего профессионального долга, не может считаться законным, поскольку оно противоречит принципам адвокатской деятельности.

Так, принцип независимости адвокатуры предполагает исключение какого-либо влияния органов дознания, предварительного следствия, суда, иных органов и лиц на распределение требований о назначении защитника между конкретными адвокатами.

Для исключения из практики нарушения данного принципа адвокатуры с 1 октября 2018 г. Адвокатская палата г. Москвы перешла на автоматизированное распределение дел по назначению правоохранительных органов. Представляется, что автоматизированная информационная система распределение заявок на оказание юридической помощи по назначению обеспечит справедливое и равно-

мерное распределение дел по назначению между адвокатами и исключит субъективный фактор — человеческое вмешательство. При таком распределении заявок механизм распределения становится максимально прозрачным: в этом случае ни сама адвокатская палата, ни правоохранительные органы не могут повлиять на процедуру назначения того или иного адвоката. Продуманная и доступная компьютерная программа должна стать полной гарантией, исключающей субъективный фактор при распределении дел по назначению.

Разработанная программа автоматизирует все процессы, связанные с назначением адвоката: регистрацию адвокатов в системе, принятие заявок, формирование списков адвокатов по конкретной заявке, последующий выбор адвокатов из списка, служебное оповещение и т. д. Сотрудники палаты принимают участие в этом процессе только в момент выдачи логина и пароля для доступа в систему. Порядок их получения размещен на сайте адвокатской палаты. Данной программой предусмотрена случайная выборка адвокатов, избравших личную форму участия в делах по назначению и принявших соответствующую заявку. При этом соблюдается условие равномерности получения заявок, т. е. программа выбирает адвоката, который дольше всех не получал поручения по назначению, полностью в автоматическом режиме с учетом занятости, территориального удобства.

Программа электронной очереди адвокатов — эта хорошая «антикоррупционная прививка», т. к. согласованные действия инициатора заявки и адвоката, влияющие на работу системы с целью обеспечения участия конкретного адвоката, полностью исключены.

Адвокатская палата должна вмешаться только в том случае, если программа выдала информацию, которая требует оценки со стороны адвокатской палаты, например о ложных заявках или о неявках по назначению конкретного адвоката.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 15 марта 2019 г. утвердил новый Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве. Данная цель будет достигаться, прежде всего, путем случайной выборки при распределении заявок и исключения человеческого фактора из этого процесса, т. е. путем закрепления принципа централизации и информатизации. Он означает централизованное назначение адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве с использованием информационной системы автоматизированного распределения заявок. В новом Порядке детально урегулирован

процесс назначения адвокатской палатой адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве. Так, например, в Порядке теперь предусмотрено, что после получения от адвокатской палаты информации о поручении адвокат должен принять решение о возможности или невозможности своего участия в данном уголовном деле в течение 15 мин. Если ответ адвоката отрицательный, распределение поручения повторяется до момента его принятия каким-либо адвокатом. Следователь уже не сможет позвонить тому защитнику, с кем давно сработался. Придет не тот, кто угоден, а тот, кого направила региональная адвокатская палата. Следователи могут заполнить заявку на сайте палаты и оперативно получить ответ. Как сказано в принятом документе, там, где автоматизированные системы уже внедрены, использование электронного порядка является обязательным. Вместе с тем в некоторых регионах в настоящее время отсутствуют материальные или иные условия для внедрения автоматизированной системы распределения дел, что предопределило необходимость сохранения на переходный период иных вариантов, таких, например, как колл-центры, веб-приложения, мобильные приложения и другие каналы приема информации.

Данным порядком установлен принцип равноправия адвокатов, означающий недопустимость установления каких бы то ни было дискриминационных ограничений, в том числе зависимости от формы адвокатского образования.

Отметим, что рассматриваемый Порядок, как указано в его тексте, применяется на всей территории Российской Федерации, независимо от места назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, а региональные правила, которые должны быть приведены в соответствие с новым Порядком, — на территории данного субъекта.

Новая редакция документа более четко регулирует некоторые сложные моменты, связанные с назначением адвокатов. Вопросы возникают в процессе взаимодействия представителей правоохранительных органов и судов с представителями адвокатского сообщества, а также в практике распределения поручений на защиту между самими адвокатами.

Министерство юстиции Российской Федерации предлагает закрепить принцип электронной очереди распределения заявок адвокатам, участвующим по назначению правоохранительных органов, путем дополнения нормой в Уголовно-процессуальный кодекс, согласно которой полученные доказательства в обход данной про-

цедуры будут считаться недопустимыми. То есть любые следственные действия, в которых примет участие адвокат, пришедший вне электронной очереди, окажутся незаконными.

Данный механизм сделает бессмысленными возможные нарушения процедуры распределения дел между адвокатами и бесперспективными попытки вступления в дело «карманного» адвоката. В конечном итоге это будет способствовать обеспечению надлежащего качества уголовной защиты.

Кроме того, новая электронная система должна заметно упростить и процедуру взаимодействия юристов и населения. В частности, человек, которому требуется защита в суде, сможет подать электронную заявку на предоставление адвоката. Когда адвокат выполнит свою работу, в электронной базе суда автоматически появится заявка на оплату его услуг. Последняя, в свою очередь, будет направлена в управление судебного департамента.

Подобное нововведение поможет существенно повысить прозрачность процедуры назначения защитников интересов граждан, обратившихся в суд. Кроме того, «электронное правосудие» повысит рациональность распределения бюджетных средств, которые идут на оплату услуг адвокатов.

Опираясь на зарубежный опыт, основанный на длительном использовании информационных технологий в процессе судопроизводства, можно сделать вывод о необходимости стремиться к такому пониманию электронного правосудия, как это делается за рубежом, а именно, на основе использования информационных технологий при производстве всех процессуальных действий.

«Совмещение опыта финских ученых-юристов и практиков и инновационных цифровых технологий Финляндии с достижениями и уникальными преимуществами российских ученых может стать мощным «цифровым рывком» в изменении структуры занятости, объединении усилий на разных уровней власти, бизнеса, научных и исследовательских организаций, выработке научных концепций оптимальной модели общества и права в развитии цифровых технологий в сфере судопроизводства и нотариата» [1]. Резюмируя изложенное, можно отметить, что бурное развитие информационных технологий не могло не коснуться адвокатуры. В условиях новой «цифровой» реальности создается новая адвокатура.

Библиографический список

1. *Жилкин В. А.* Цифровые технологии и применение искусственного интеллекта в Финляндии и России: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6(73). С. 74–78.

2. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реалии // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

Р. В. Чикулаев

Пермский государственный аграрно-технологический университет, Пермь,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Частные и публичные правовые методы управления в условиях цифровизации финансовых услуг

Статья посвящена анализу новых представлений о правовом регулировании отношений в сфере финансовых рынков и услуг. Автором сделан вывод о том, что цифровые криптографические инструменты требуют доктринальной выработки и юридико-практической апробации особых правовых механизмов.

Ключевые слова: финансовые услуги; финансовые инструменты; цифровизация; частные и публичные методы.

Одно из ключевых направлений развития частного права было отражено в Разделе VI Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 2009 г.[1] (далее — Концепция), предусматривавшем модернизацию законодательного регулирования двух основных крупных институциональных групп отношений: связанных с ценными бумагами и с финансовыми сделками соответственно. При этом в Концепции не были прямо указаны понятия финансовых услуг и финансовых инструментов, которые, тем не менее, стали все более активно применяться в актах более частного регулирования, в том числе вновь принимаемых изменениях к Федеральному закону «О рынке ценных бумаг» и некоторым другим.

Одновременно все большую актуальность приобретало информационно-правовое обеспечение экономических процессов, формировалась группа особых «информационно-правовых» положений как основы части законодательства, группы однородных правовых

[1] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.).

норм, теоретических изысканий. Примером могут служить все более отчетливое проявление специальной информационно-юридической функции в обороте ценных бумаг [5], а также доктринальные информационно-правовые разработки [4].

В этих же условиях сохраняет значение крупная теоретическая проблема выработки баланса публично-правового и частноправового воздействия на общественные, в том числе экономические, отношения. Отмеченная проблема стала предметом глубокого исследования ряда ученых [1], однако многие аспекты сочетания частного и публичного остаются предметом дискурса и дальнейшего изучения. Кроме того, по мере быстрого развития техники и технологии проявляются такие новые черты общественных явлений, которые еще несколько лет назад просто не могли быть известны: примером могут служить цифровые финансовые инструменты, криптовалюты, block-chain технологии и т. п.

Несмотря на то, что Концепция не предусматривала ни понятия «финансовые услуги», ни правовых механизмов их регламентации, полагаем, что сама логика модернизации гражданского законодательства России после 2009 г., а также собственно содержание Концепции и последовательная ее реализация в принятых позднее законах позволяют сформулировать основные подходы. Так, под финансовыми услугами следует понимать экономические отношения, основанные на совершении особого рода сделок между потребителями (гражданами, юридическими лицами, публичными образованиями) и исполнителями (специализированными организациями), предметом которых выступают финансовые инструменты, в том числе ценные бумаги, а также реализация специальных прав и корреспондирующее исполнение обязательств, закрепленных такими финансовыми инструментами, включая функции обслуживающего и вспомогательного характера. В силу специфики отношений, связанных с финансовыми инструментами, в круг финансовых услуг не следует включать отношения иного специального характера, регулируемые специальным законодательством, которые не связаны с выпуском и обращением финансовых инструментов, а предполагают лишь обеспечение особых экономических процессов (в их числе, в основном, банковские, страховые, пенсионные отношения). Тем самым к группе отношений, формирующих правовое содержание финансовых услуг, в выдвигаемой нами концепции относятся:

– деятельность оригинаторов финансовых инструментов (эмитентов эмиссионных ценных бумаг, а также иных лиц, которые

вправе выпускать финансовые инструменты в гражданский оборот);

– виды специализированной деятельности, в настоящее время определяемой как деятельность «профессиональных участников рынка ценных бумаг» (брокерская, дилерская и форекс-дилерская, доверительное управление, депозитарная, деятельность по ведению реестра);

– иные виды специализированной деятельности в сфере финансовых рынков (клиринговая, по организации торговли, деятельность центральных депозитариев, расчетных и специализированных депозитариев, управляющих компаний паевых инвестиционных и негосударственных пенсионных фондов, акционерных инвестиционных фондов, управляющих ипотечным покрытием, ипотечных агентов);

– прочие виды деятельности, имеющей сервисный, производный характер (в том числе деятельность саморегулируемых организаций, финансовых консультантов, номинальных держателей, трансфер-агентов, рейтинговых агентств, инвестиционных товариществ, специализированных обществ (финансовых и проектного финансирования), представителей владельцев облигаций и др.).

Цифровизацию финансовых услуг следует рассматривать как необходимый признак организации системы оказания таких услуг, с учетом высокотехнологичной компьютеризированной обработки информации в современных условиях (поскольку иным образом соответствующая информация обработана быть не может). Основные проявления цифровизации при оказании финансовых услуг:

– оригинация финансовых инструментов в электронной форме;

– учет и оформление перехода прав на финансовые инструменты в электронных реестрах;

– заключение сделок в электронной форме (в том числе осуществление электронных торгов);

– информационное обеспечение инвесторов, иных заинтересованных лиц, а также уполномоченных публичных органов (включая раскрытие и предоставление информации, в том числе отчетности).

Система методов правового регулирования оказания финансовых услуг в цифровизированом формате представляется сочетанием частного и публичного элементов. Частный элемент проявляется в регламентации совершения гражданско-правовых сделок, заключения договоров, установления иных обязательных правил ведения

деятельности в электронной форме. Публичный элемент состоит в осуществлении перманентного и выборочного контроля, а также специального, в том числе пруденциального надзора с использованием компьютерных систем обработки информации.

В то же время, учитывая появление и распространение за несколько последних лет принципиально новых, ранее вообще не известных явлений, таких как криптовалюты и block-chain-технологии, выразим принципиальную позицию, которая сводится к следующему. Понятие криптовалют, по нашему мнению, было бы более верно трансформировать, именовать и рассматривать по-иному, а именно как особый род инструментов, сформированных с использованием электронной компьютерной техники и средств криптографической защиты информации, представляющих собой продукт интеллектуальной деятельности человека, позволяющий придавать таким инструментам условное финансово-стоимостное значение. В свою очередь, технологии типа «block-chain» используются не только и не столько в связи с финансовыми инструментами, но активно проникают и в иные сферы общественных отношений, к примеру учет интеллектуальных прав [2], права на недвижимость [3] и т. п. Такие технологии представляют собой, скорее, особый способ построения децентрализованных локальных компьютерных сетей мултиплицированного хранения информации и не должны приобретать значение надгосударственной сверхсовершенной системы искусственного интеллекта, стоящей выше закона и человеческого разума. Новые вызовы таких технологий, возможно, проявят себя через столетия, но не в обозримом будущем, ввиду чего представляется верным исключить как криптовалюты, так и block-chain- и bit-coin-технологии из числа предметов непосредственного, классического правового регулирования через систему норм, закрепленных в правовых актах, но иметь в виду указанные предметы в целях государственного контроля и некоего утилитарно необходимого легального описания.

Библиографический список

1. *Голубцов В. Г.* Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2005.

2. *Новоселова Л. А.* Об активных системах учета интеллектуальных прав // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 268–277.

3. *Новоселова Л. А.* Предложения завтра же перевести весь реестр прав на недвижимость на блокчейн представляются смешными // Закон. 2018. № 8. С. 6–18.

4. *Талапина Э. В.* Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015.

5. *Чикулаев Р. В., Клячин А. А.* Информационно-юридическая функция субъектов выпуска массовых ценных бумаг // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1(23). С. 234–247.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Цифровые технологии: новые возможности для бизнеса

Бурлака С. Н. Правовое регулирование управления данными в условиях цифровизации экономики 3
Мальгинова Ю. Н. Понятие цифровых прав и их оборотоспособность 7
Слукин С. В. Цифровые технологии в предпринимательской сфере как способ обхода действующего законодательства России 10
Троценко О. С. Изменения российского законодательства о государственно-частном партнерстве в условиях цифровизации экономики 14

Секция 2. Публично-правовое обеспечение цифровизации

Бахтеева Е. И., Гришин Д. А. Уголовная ответственность за преступления в сфере охраны цифровых технологий 20
Бекмагамбетов А. Б., Хакимова Г. Е. Особенности реализации госпрограммы «Цифровой Казахстан» в Костанайской области 26
Вилачева М. Н. Финансирование научной деятельности как гарантия реализации свободы научного творчества в цифровой экономике 30
Кожевников О. А. Цифровизация в механизме реализации конституционного права на судебную защиту 34
Лузина Т. В., Маркелова Е. М. Цифровизация Евразийского экономического союза: правовое обеспечение и перспективы развития 38
Мещерягина В. А. Право на забвение как новое правомочие конституционного права на неприкосновенность частной жизни 43
Савоськин А. В. Развитие законодательства об электронных обращениях в Российской Федерации 47
Сошникова И. В. Криминологический анализ преступлений в сфере компьютерной информации 51
Тонких Н. В. Дистанционная женская занятость как объект правового регулирования 56
Чудиновских М. В. Правовые проблемы регулирования дистанционного труда 60

Секция 3. Отраслевые и товарные рынки и развитие конкуренции в цифровой экономике

Анисимов А. Л. Предстоящие проблемы правового регулирования цифровой экономики Российской Федерации 64
Громова Н. С. Проблемы и перспективы взаимодействия публичного и частного права в процессе противодействия противоправной деятельности в Российской Федерации 67
Измоденов А. К., Сидорова К. А. Налог на имущество физических лиц и цифровизация экономики 72
Курдюмов А. В. Цифровой контекст модели управления изменениями в АПК России: правовой аспект 76
Курдюмов А. В., Шалабодов Д. В. Противодействие картелям и иным антиконкурентным соглашениям на товарных рынках и на торгах: информационно-правовой аспект 80
Ставрова Т. А. Казначейство России: взаимодействие с гражданским обществом 85

Чуркина Л. М. Право в условиях цифровой реальности 91
Шалабодов Д. В., Фадеенко Н. М. Становление и развитие контроля за операциями с денежными средствами в целях противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем 93

Секция 4. Частноправовые аспекты цифровизации экономики

Бельдина О. Г. Частноправовые и публично-правовые начала в регулировании деятельности децентрализованных автономных организаций 97
Елфимова Е. В. Электронные трудовые книжки — шаг к цифровизации трудовых отношений 100
Истомин В. Г. Актуальные вопросы применения антимонопольного законодательства к отношениям, складывающимся в сфере использования программных продуктов 104
Малкеров В. Б. Проблемы научных исследований в сфере юриспруденции в связи с переходом к цифровой экономике 109
Миннегалиева Л. И. Отдельные вопросы юридической ответственности в цифровом праве 114
Сысоева Т. В. Адвокатура в условиях цифровой реальности 119
Чикулаев Р. В. Частные и публичные правовые методы управления в условиях цифровизации финансовых услуг 124

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы
III Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 15 мая 2019 г.)

Корректор
И. Ш. Орлова

Компьютерная верстка
Н. В. Троицкой

Поз. 59. Подписано в печать 04.09.2019.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать плоская.
Уч.-изд. л. 6,8. Усл. печ. л. 7,7. Печ. л. 8,3. Заказ 506. Тираж 10 экз.
Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета